

АНКЛАВЫ ВАДИМА ПАНОВА

СОКОЛИНАЯ ОХОТА

ВИТАЛИЙ АБОЯН

Анклавы

Виталий Абоян
Соколиная охота

«ЭКСМО»

2011

Абоян В. Э.

Соколиная охота / В. Э. Абоян — «Эксмо», 2011 — (Анклавы)

Цикл «Анклавы» Вадима Панова продолжается! Катастрофа, вызванная грандиозным экспериментом на станции «Наукома», превратила восточную часть Африки в цепь островов. В водах этого свежее испеченного архипелага заблудился атомный танкер «Хеллеспонт Стар». Тем временем надзиратели и заключенные так называемой «Африки» – «Исправительного учреждения №123», – тюрьмы, которая принадлежала когда-то Службе Безопасности Анклавов, пытаются выжить на одном из пустынных островов Африканского моря. На раздробленном Катастрофой материке не хватает элементарного, поэтому огромный танкер, на беду экипажа пристыковавшийся к Тюремному острову, оказался для бывших зэков лакомой добычей. В эпицентре этих событий оказались корабельный инженер Виктор Куцев и бывший редактор Сергей Звездецкий, получивший в тюрьме кличку Гамми. Им предстояло не только выжить в сердце Кенийского архипелага, но и проникнуть в тайну сверхсекретного проекта «Сапсан»...

© Абоян В. Э., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Пролог	6
1. Индийский океан. Супертанкер «Хеллеспонт Стар»	8
2. Территория племени Хаммар	17
3. Один из островов Кенийского архипелага	21
4. Кенийский Архипелаг. Супертанкер «Хеллеспонт Стар»	26
5. Территория племени Хаммар	33
6. Почти два года назад. Территория тюрьмы «Африка»	37
7. Побережье Тюремного острова	42
8. В то же время в том же месте	46
9. Открытое море. Кенийский архипелаг	49
10. Три года назад. Ноябрь. Анклав Москва	54
11. Территория племени Хаммар	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Виталий Абоян

Соколиная охота

Светло-зеленый столб чистой энергии устремился в небо и прошел сквозь планету. Добрался до звезд, ударил в раскаленное сердце Земли.

И скорчился пронзенный мир.

Изнасилованная планета огрызнулась волной землетрясений, самое слабое из которых тянуло на восьмерку. Новосибирск, Дели, Куала-Лумпур, Сиэтл, Берлин, Денвер, Кито... Жертвами стали не только города – по всему миру к ним присоединились тридцать пять атомных электростанций.

Потревоженная вода ударила наотмашь: тридцатиметровые волны разбежались по Индийскому океану и Атлантике, а огромный Тихий породил пятидесятиметрового монстра. Цунами захлестнули Лос-Анджелес и Новый Орлеан, Нью-Йорк и Бостон, Калькутту, Сингапур, Шанхай...

Вулканы Исландии и Камчатки «отозвались» почти мгновенно, а через два часа после запуска Станции в ста милях от Солт-Лейк-Сити начал пыхтеть первый из «новых вулканов», заливая окрестности вырвавшейся из глубин лавой.

Пришли в движение плиты, вздрогнули разломы земной коры, ушли под воду острова, и возникли новые.

Географические карты устарели.

Мироустройство рухнуло, правительства большинства стран перестали существовать, а понятие «глобальная сеть» надолго стало анекдотом.

Все, что не взорвалось и не исчезло – остановилось.

Это был ад.

Это был «День Станции».

День величайшей в истории Земли катастрофы, которая открыла человечеству дорогу в восемь новых миров. Глобальная перезагрузка, запустившая программу «Цивилизация 2.0». Разрушившая прежний мир, но подарившая надежду.

Люди, привыкшие к удобствам технического прогресса, окунулись в первозданный Хаос, увидели гибель незыблемого, казалось бы, мира, но не отступили, потому что нет у настоящих людей такого правила – отступать.

Люди хотели выжить. Любой ценой.

Пролог

Некоторое время охотнику удавалось не упускать из вида темную точку, стремительно летевшую параллельно земле. Потом птица заложила вираж, резко сменив направление, и куда-то исчезла. Охотник потерял ее – как сквозь землю провалилась. Он присвистнул так, как обычно подзывал птицу, но лишь шепот ветра в пожухлой траве был ему ответом.

Человек недовольно скривил губы и пошел туда, где исчезла птица. Хорошая птица, помогает добывать еду. Сокол сапсан.

Трудно сказать, как давно они впервые встретились. После землетрясения, что раскололо землю на много частей, время перестало существовать. Оно стало не нужно человеку. Зачем время, если понимаешь, что прежний мир не вернется никогда? Домой не добраться – там, где была дорога назад, теперь плескалось море. Да и остался ли кто-нибудь за синей полосой большой воды?

Охотник жил в саванне один и привык к такой жизни, его все устраивало. Когда же он нашел сокола, оказалось – нашел друга. Сокол прибился к охотнику северней этих мест, в тех краях воды совсем мало, живности – тоже, поэтому птица очень ослабла. Он выкормил и выходил сокола, и тот, окрепнув, не улетел, а стал помогать на охоте. Постепенно и сам охотник научился правильно выбирать добычу и направлять своего помощника.

На правой лапе сокола висел кожаный ремешок, левая была свободной. Охотник не знал, для чего он, но снимать не стал. Понятно, птица принадлежала кому-то другому, тому, кто надел на нее ремешок. Скорее всего, рассудил охотник, хозяин птицы погиб во время землетрясения.

Внезапно саванна резко закончилась, а прямо под ногами зиял серый, осыпающийся по краям мелкими острыми камешками провал. Яма была огромной.

Человек видел такое раньше. Здесь люди копали землю, вынимая из нее камни. Потом камни увозили к морю. К старому еще морю, в города на побережье. Теперь от этих городов ничего не осталось, охотник это знал точно, потому что ходил туда.

В карьере было тихо, ни зверей, ни птиц. Сокола тоже нигде не видно. Что птице могло понадобиться в этой яме?

Охотник еще раз свистнул, но никто не ответил. Только далеко, у противоположной стены карьера, он увидел маленькую темную точку. Птица то появлялась, хорошо различимая на фоне светлой породы, то снова куда-то исчезала.

Человек проворчал что-то и стал осторожно спускаться. Склон осыпался дождем мелкой гальки. Острые камешки больно царапали ладони и босые ступни. Охотник осмотрелся и запоздало понял, что с другой стороны ямы спуститься намного проще – там склон состоял из широких террас, идущих по спирали вниз. Он выбрал неправильный путь, здесь край карьера осыпался большим, сползающим вниз языком.

Охотник выругался, упомянув глупость птицы, и стал карабкаться обратно. Но каждое движение вызывало целый поток камней, который, тихо шурша, улетал вниз. Ноги скользили, и ухватиться здесь было совершенно не за что. Выкарабкаться назад в этом месте не получится. Теперь придется спуститься на самое дно, пересечь огромную котловину карьера и подняться с другой стороны.

Спуск оказался нелегким занятием – галька ползла, и человек держался на склоне из последних сил.

Внезапно послышался звук: будто бы птица ударила крыльями. Охотник обернулся, но сокола видно не было. Человек продолжил ползти вниз.

И снова этот звук. Охотник задрал голову и, прищурившись из-за солнца, взглянул вверх. Неясная тень мелькнула в вышине, но тут же исчезла. Сокол решил поиграть со своим хозяином?

Отчего-то охотнику стало не по себе. Он вдруг вспомнил, что у сокола уже был хозяин. Раньше, до землетрясения. Он сам не знал, отчего это пришло ему на ум, но мысль не отпустила.

Звук бьющих по воздуху крыльев вернулся, охотник покрутил головой, но снова ничего не увидел – солнце. Под ногами, чуть ниже того места, где человек стоял, что-то ударилось о землю. Что-то маленькое и черное.

Человек наклонился, но рука не доставала до предмета, брошенного соколом, – сомнений быть не могло, это упустила птица, здесь никого не было. Он потянулся, оперся на правое колено. Пальцы почти достали небольшую черную пластинку. С одной стороны надписи, с другой – целый ряд маленьких металлических полосок. Что это? Охотник вытянул руку, рванулся вперед, и пальцы наконец зажали находку.

И тут человек потерял равновесие, галька покатилась, и он, кувыркнувшись, заскользил на дно карьера. Этот полет можно было бы считать забавным, как спуск по ледяной горке, если не принимать во внимание, что горка была не изо льда, а состояла из тысяч маленьких острых камешков, но и это было не главным.

Главное, как оказалось, ожидало человека ниже. Он попытался остановиться, упираясь руками, но только ободрал их. Тогда он решил катиться до самого дна, стараясь не обращать внимания на боль. Он вспомнил, что за вещь он держит в руке. Бесплезная игрушка – «балалайка», индивидуальный чип подключения к сети. Раньше, до того как вокруг этой земли появилось новое море, у него тоже была такая. Было удобно. Только она давно уже не работала.

Откуда она здесь? Раз сокол нашел здесь «балалайку», значит, где-то рядом люди. Где-то здесь остатки цивилизации.

Огромный валун, словно нос ледокола торчащий из водопада щебня, прервал размышления охотника. Глухой треск возвестил о том, что череп не выдержал столкновения с камнем. На дно докатилось бездыханное, переворачивающееся, как тряпичная кукла, тело.

Ударили крылья, и рядом с хозяином, теперь уже бывшим, опустился сокол. Птица сделала несколько неуверенных шагов, подобралась к телу поближе, склонила голову набок, осматривая окровавленные останки, и отодрала мощным клювом кусок плоти. Хозяин позаботился о своем питомце, теперь сокол сможет всласть попировать, пока не подспеют падальщики. У него еще есть время.

1. Индийский океан. Супертанкер «Хеллеспонт Стар»

Прозрачная как слеза вода огромным холмом поднималась над полированной гладью океана, вздыбленная несущимся десятью метрами ниже форштевнем. Если сильно присматриваться, до рези в глазах, исполинский нос корабля, выкрашенный в темно-голубой цвет, можно было увидеть. Судно затарено нефтью под завязку. Полмиллиона тонн. Рассказы о немислимых сокровищах лучших ювелирных домов казались смехотворными в сравнении с ценностью, которую представлял собой груженный супертанкер.

Корабль чинно скользил, оставляя за собой широкую белую полосу вспененной винтами воды, напоминающую шрам на однородно синем теле океана.

Куцев вздохнул и поправил кажущиеся непроницаемыми для света темные очки. Надоело. Все надоело: и величие корабля, и еще большее величие водной стихии, запросто проглатывающей все, что ни кинет в нее человек. Особенно достала белая, будто процедурный кабинет, палуба танкера. Маленький кусочек укутанных снегом горных вершин посреди синевы океана. Глаза хотелось выцарапать – никакие очки не спасали, яркая, словно лазерный скальпель, белизна не давала ни секунды передышки. Укрыться от нее можно было только у мотористов или в реакторном. Но там свои проблемы. Уж лучше чесать глаза.

Виктор отжался от леера и повернулся к корме. В глаза снова больно ударило белым. Синяя бездна океана, пусть и щедро сдобренная солнечными бликами, играющими на мелкой волне, казалась чернее ночи в сравнении с палубой.

Виктор Куцев, низкорослый, худой, с чуть кривоватыми ногами, загорел до такой степени, что больше был похож на индуса, чем на русского. В действительности его национальность оставалась тайной даже для него самого – мать бельгийка, не то исконно европейского происхождения, не то из современных европейцев (Виктор подозревал, что здесь были и те и другие); отец родом из Кемерово считался русским, однако славянской национальности у него был только дед. То есть Викторов прадед.

Подергал вентили, потер рукой жерло коннектора трубы последнего танка. Какой-то жир. Куцев достал из кармана специальную промокашку и потер трубу – бесцветные разводы, не нефть. Все, осмотр его инженерных владений на сегодня закончен. Нефть – слишком ценный товар, чтобы потерять хоть каплю. Виктор осматривал все патрубки, магистрали, проверял краны и помпы ежедневно. Маленькая поломка могла стоить нескольких баррелей черного золота, чего допустить никак нельзя. На корабле все предусмотрено, чтобы не подвергать риску груз. И палуба жжет глаза именно по этой причине – чем меньше солнца и тепла, тем меньше испарится нефти. А здесь, в Африке, и первого, и второго хватало с избытком.

Это был третий рейс Куцева. Опасный и прибыльный бизнес. По-настоящему прибыльным он был для судовладельца, но и команда не бедствовала. В нынешних условиях грех жаловаться.

Огромное судно, до краев наполненное нефтью – единственной возможностью человечества поддерживать хоть какое-то подобие транспортного сообщения на материках, последней надеждой сохранить цивилизацию от полного коллапса и разрушения, – было лакомым куском для кого угодно. Импортёры, заинтересованные в сохранности причитающегося им топлива, держали в акватории небольшие эскадры – и Европейский Исламский Союз, и Католическое Вуду, и поднебесники. В случае чего вооруженные крейсера придут на помощь.

Или «случайно» отстрелят винт «самопроизвольно» упавшей торпедой, если никто из условных союзников не сможет проконтролировать ситуацию. Это лучше, чем попасть к нефтяным пиратам – государства старались не нарушать пределы дозволенного: экипаж не трогали, всего лишь откачивали из танков немного нефти, списывая потери на аварийную утечку.

Винт чинили, если это было возможно, или ждали нового – под опекой «виновников печального инцидента».

Но самым лучшим вариантом довести всю нефть до порта назначения, было затеряться в открытом океане и соблюдать радиомолчание. Первые три рейса Куцева прошли успешно. Мартин Крайс, их штурман, предложил плыть в обход Сомали, ставшего теперь островом. Откуда Крайсу стали известны лоции Архипелага, в который превратилась северная часть Кении, история умалчивала. Но капитан согласился с планом штурмана и выиграл – в Кенийском архипелаге их никто не ждал: пираты не предполагали, что кто-то попрется в неизведанную воду на таком монстре, как их «Хеллеспонт Стар», а эскадры государств имели четко очерченную зону патрулирования, в которую Архипелаг не входил. А самое главное – Восточная Африка и до всемирной Катастрофы попадала под всевидящее око только одного спутника наблюдения, который вот уже полтора года, как не давал о себе знать. Это была мертвая зона, каких насчитывалось по всей планете не больше десятка. Но везение не могло быть вечным, и этот их проход через воды Архипелага станет последним.

Виктор посмотрел по сторонам. Везде одно и то же: синее море и голубое, источающее ультрафиолет небо. Только юго-запад застил яркий диск солнца. Никаких признаков земли, птиц тоже не видно. Это хорошо, так и должно быть. Слишком большая площадь, слишком уж бескрайние просторы, чтобы можно было найти затерявшийся на них танкер.

Где-то справа и сзади, километрах в трехстах, остался мыс Рас-Хафун. Судя по движению теней, вычерченных, будто карандашным грифелем, на ветвящейся системе труб, что распласталась по палубе, капитан Мустафа Хопкинс-Джани поворачивает «Хеллеспонт Стар» носом на запад – корабль уже достиг пролива Найроби.

– Жара, мать ее! – посетовал Куцев, выжимая мокрый от пота платок, которым только что вытер лицо и шею. На пол упало несколько прозрачных капель.

– Африка – здесь это нормально, – сказал капитан, раскуривая толстенную сигару. Рубка наполнилась ароматным дымом.

Все-таки они хорошо устроились, что ни говори. Сигары в нынешнее время... Натуральные. Черт его знает, где их делают – Кубы-то нет теперь. Или у Мустафы еще с прежних времен запасы?

– Закрой иллюминаторы, – простонал инженер, – не могу больше видеть это солнце.

– У-у, – покачал головой капитан, выпуская очередную порцию дыма.

Он сидел, хотя к его позе скорее подошел бы термин «лежал», в кресле, откинувшись назад и водрузив ноги, обутое в начищенные до зеркального блеска черные туфли, на консоль пульта, благоразумно заблокировав перед этим ручное управление. Глаза закрыты, а от затылка к консоли тянется тоненький серебристый проводок психопривода – капитан управлял груженной нефтью машиной, через «балалайку». Собственно, в данный момент Мустафа сам был кораблем, его мозг чувствовал каждый механизм машины, улавливал малейшее движение, транслируемое тысячами датчиков, разбросанных по всем отсекам и поверхностям судна. «Хеллеспонт Стар» был настоящим чудом современной техники. «Чудом техники до дня Станции», – мысленно поправил себя Виктор.

– Какая тебе разница, ты все видишь с внешних камер? Ты же вообще глазами не смотришь.

Мустафа открыл глаза, опустил ноги на пол и, вытащив изо рта неспешно курящуюся сигару, взглянул на инженера.

– По инструкции не положено во время маневра.

Коротко и ясно. И не поспоришь – кэп по инструкции даже форму с начищенными туфлями в этом пекле носил. Но, если быть честным, на палубу он выходил редко, отсиживаясь (не иначе тоже по инструкции) в отлично кондиционируемой жилой зоне.

– Ты знаешь, – сказал Мустафа, снова откинувшись назад, – раньше в этом районе орудовали сомалийские пираты. Представляешь – их лет сто выкурить отсюда не могли, что только с ними ни делали. А что с ними сделаешь – сегодня он нищий недоразвитый туземец, а завтра – «дрель» в руки, гранатомет на плечо – и в море, дань с судовладельцев выколачивать.

Виктор ждал продолжения, в рубке повисла тишина, было слышно лишь, как потрескивает тлеющий кончик сигары.

– Ну? – не выдержал инженер.

– Внимательней надо быть, – резюмировал Мустафа.

– Какие пираты?! От Сомали одни воспоминания остались. Там уже больше года остров. И землетрясениями его сильно потрепало – вряд ли хоть один дом в городах уцелел.

– Но кто-то же там есть?

– Привидения там есть, – ответил Куцев. – Пойду, душ приму.

– Я думаю, дело в другом, – бросил в спину выходящему из рубки инженеру Хопкинс-Джани. – Они дань *кому надо* платили, вот их и не трогали.

– А теперь?

Капитан молот полную чушь. От скуки – им всем здесь скучно. Даже когда работы бывало невпроворот. Однообразие убивает медленней пули, но так же надежно.

– А теперь, похоже, не стало *кого надо*. Вот и пропали сомалийские пираты. А казались бессмертными.

– Ну, Аденский залив никуда не делся, только немного расширился. Ведь в нем орудовали сомалийцы? Там и сейчас неспокойно. Или мы по другой причине через Архипелаг лавируем?

Капитан приоткрыл один глаз, сказал: «Архипелаг, новые земли – это так романтично!» – и захохотал.

– Да ну тебя, честное слово! – пробурчал Куцев и ушел.

С Мустафой Виктор был знаком давно. Еще до «Хеллеспонт Стар» и вообще – до того, как попал на море. Они выросли в одном амстердамском квартале – в закрытом дворике огромного кондоминиума, где жили их семьи. Благополучное детство. Их родители были каперами среднего звена, Мустафа тоже стал капером – супертанкером он командовал и до того, как мир окунулся в хаос. Хотя хаос давно является естественным состоянием мира, просто последние пару лет это стало заметней.

Виктор тоже должен был стать капером. Обязан был, у него не было другого выбора. Но выбор не всегда приходится делать самому – сошедший с магнитного подвеса в Баварском султанате сверхскоростной экспресс забрал жизни его родителей, похоронив вместе с ними под обломками еще четыреста шестьдесят два человека, когда Виктору исполнилось семнадцать.

Какие-то сбережения остались. Он поступил в университет. Дома, в Амстердаме. Мечтой Виктора с детства были мосты – огромные, казалось, невесомо парящие на сотнях канатов циклопические сооружения, которые ему довелось увидеть самому или познакомиться посредством сети, занимали его воображение. Он хотел строить такие же. Нет, он мечтал построить что-то еще более прекрасное.

Но мечты остались мечтами – психологическая травма, нанесенная молодому человеку внезапной гибелью родителей, дала о себе знать. Если бы в Исламском Союзе не было запрещено спиртное, наверное, он бы спился. А так – на черном рынке особой популярностью пользовался синдин.

Университет каким-то чудом удалось закончить. И получить диплом инженера. Правда, из мостостроения его поперли еще на третьем курсе. Удалось зацепиться на атомной энергетике, реактор – не самое чистое место работы, но вполне прибыльное. Он стал инженером. И законченным наркоманом. О карьере можно было забыть.

Первые годы после окончания университета Куцев помнил плохо. Чем жил, каким образом сводил концы с концами, было стыдно признаться даже самому себе. Психиатры называют

это перцептуальной защитой – ты не видишь и не слышишь то, что не укладывается в привычное мировоззрение, этого как бы не существует. Те времена перестали существовать для Виктора. Наверное, с помощью гипнометодик можно разбудить скрывающиеся воспоминания. Но делать это не стоило.

А четыре года назад, еще до катастрофы на Станции у русских, когда мир не знал и сумасшествия тритонов, он встретился с Мустафой. Случайно.

Виктор пил безалкогольный «Гинесс» в прокуренном пабе в самом центре Ланданабада, когда там появился Мустафа. Хопкинс-Джани был шумен, весел, любезен и пользовался популярностью у женщин. Виктор, приехавший на острова по очередному сомнительному делу, был полной противоположностью друга детства: мрачный, потасканный, никого не интересующий. Даже у конструкторов не помнящий себя после получения заветной дозы синдина Куцев особого интереса не вызывал – от его потрохов смердело гнилью и разложением.

Мустафа – красивый, благоухающий лучшими европейскими благовониями, – друга узнал. Сразу и наверняка, будто и не прошло тех лет, что Виктор с усердием трудился на фронте саморазрушения.

Он выдернул Куцева из клоаки, спас от ненасытного синдина. Потом, когда с наркотиками было покончено, Мустафа помог устроиться в судоходстве – замолвил словечко нужным людям. Хопкинс-Джани всегда умел наладить контакты, найти в людях то, что заставляло их помогать. А если не получалось воспользоваться природным обаянием, не гнушался напомнить о грешках, что водились за каждым. Безгрешных не бывает – эту истину Мустафа усвоил с юных лет.

Так Виктор попал в элиту мировой торговли – нефтяной бизнес. Сначала рабочим в нефтеналивном терминале родного Амстердама. Очень быстро оказалось, что работать Куцеву интересно и легко. Скоро его назначили мастером. Его работой были довольны.

Мысль о том, что огромные супертанкеры, привозящие в Европу нефть из остатков арабийских месторождений, снабжены реактором, пришла сама собой. Не то чтобы Виктор рассчитывал занять место инженера на судне. Просто вдруг стало жаль потерянной профессии. Он стал интересоваться реакторами, вспоминать то, что, казалось, проходило мимо него в университете.

Знания возвращались на удивление легко. Подпорченный синдином мозг еще не утратил способности к обучению, а острый ум, подаренный Виктору самой природой, уцелел, хоть и тщательно скрывался все эти годы.

На «Хеллеспонт Стар» Куцев попал за несколько месяцев до Катастрофы. Опять благодаря Мустафе. А когда на Станции рвануло, ему повезло еще раз – танкер чинно плыл посреди океана, поэтому пронесшееся цунами, уничтожившее прибрежные поселения на несколько километров в глубину, осталось незамеченным командой «Хеллеспонт Стар». Несмотря на огромную мощь, гигантская волна, растянувшаяся на несколько километров, плавно подняла судно и так же бережно вернула его на положенный уровень мирового океана.

Полгода они были без работы. Прежний мир раздумывал – умереть сразу или немного побороться за существование. Судя по возобновившимся рейсам, остановились на втором варианте. Только теперь каждое плавание было словно последним. Это ощущали все...

Куцев нырнул под прохладные упругие струи. Короткий хлесткий удар по коже – до чего приятно прохлада – и поток иссяк. Воду нужно экономить. Можно дернуть рычаг и получить еще одну порцию благословенной влаги, никто за ним не следит, но количество пресной воды на одного члена экипажа ограничено – придется довольствоваться бассейном с морской водой на палубе до конца плавания. А там жара и солнце. Даже с закрытыми глазами пробирает до самого нутра. Воспоминание о ярком свете заставило непроизвольно потереть воспаленные глаза.

«Была его встреча с Мустафой случайна?» – в который уже раз подумал Куцев. Тогда, в Ланданабаде? Слишком много совпадений. Глупо, конечно, но этот вопрос вновь и вновь всплывал в сознании Виктора. Для чего Мустафе понадобилось устраивать весь этот цирк?

Слишком все просто произошло, слишком гладко. Мустафа расплылся в улыбке и, раскинув руки для объятий, кинулся к нему, как только появился в дверях паба. Будто их встреча была давно назначена, и он ждал увидеть в пабе друга детства. Для чего Куцев приезжал в Ланданабад в тот раз? Он никак не мог вспомнить. Тоже странно. Впрочем, из того периода он много чего не мог вспомнить.

Но легкость, с которой его, облезшего и ставшего почти другим человеком, узнал старый друг, настораживала. Глупо, глупо, глупо! В такие моменты Куцев всегда напоминал себе, что регулярное употребление синдина незамеченным для мозга пройти не могло. Вот откуда эта паранойя, и не стоит позволять ей чувствовать себя в его мозгах как дома.

Куцев стянул с мокрой головы полотенце и понял, что с силой скрежещет зубами. Из зеркала, висевшего напротив, на него смотрел злобный взгляд красных, вытаращенных глаз, рот приоткрыт, будто в оскале, зубы сомкнуты и медленно двигаются. Виктор бросил полотенце и, обхватив голову руками, сел на крышку унитаза.

Кого он обманывает?! Синдин никогда его не отпустит, от этого невозможно вылечиться, нельзя избавиться от зависимости. Можно лишь бороться с собой, всегда, каждый день, каждую минуту. Синдин убивает. Теперь это знают все. Ему повезло, сухого кашля у Куцева никогда не было. Но, если синдин не убил тело, он все равно не оставит в покое душу, то нематериальное нечто навсегда останется в заложниках у наркотика.

Перед плотно закрытыми глазами плясали яркие пятна и маленький огонек служебного сообщения. Корабельная сеть требовала внимания инженера энергетической установки. Что там еще?

Руки дрожали. Сильно. Зубы выбивали барабанную дробь. Все тело покрылось неприятным холодным потом – только зря извел порцию воды. Чертов синдин!

Куцев открыл шкафчик с разным банно-прачечным скарбом, руки сами нашли нужное: небольшой пузырек с маленькими белыми таблетками. Эта штука разрешена, хоть и не приветствуется. Ему обещали, что поможет. Не навсегда, на пару дней максимум. Не обманули – пока что помогало.

Трясущимися пальцами он выковырнул белый кругляш и быстро, будто боялся куда-то опоздать, сунул его в рот. Пересохшее горло конвульсивно задергалось, пытаясь протолкнуть химическую отраву внутрь. Рот наполнился мерзким резиновым вкусом, но крупная таблетка упорно не желала проваливаться в желудок, норовя перекрыть доступ воздуха в легкие. К горлу подступила тошнота, перед глазами поплыли черные круги.

Куцев рванулся в каюту, схватил бутылку с остатками воды и, щедро поливая голую грудь, сделал несколько судорожных глотков. В горле все еще саднило, но дыхание стало свободным. Озноб нехотя отступал.

Служебное сообщение продолжало назойливо моргать в углу поля зрения. Что там еще стряслось?

Куцев активировал зашиту в указательный палец мышь и открыл сообщение. Превышение штатных параметров температуры в реакторе. Ничего критического, если бы угроза была реальной, корабельный компьютер не предлагал бы инженеру энергетической установки ознакомиться с сообщением, а орал благим матом на все судно.

Легонько двигая пальцем по столу, Виктор вывел на напыленный на роговицу наноэкран отчет о работе реактора. Температура продолжала расти.

– Черт бы ее подрал! – пробормотал себе под нос Куцев. На такой жаре не выдерживал даже реактор.

Конечно, жара была ни при чем. Инженер проверил данные по всем системам. Сбоев не было. Причины роста температуры он не понимал. Ситуация не угрожающая, ее можно легко разрешить. Но Виктор не видел причины, и это его настораживало. Пожалуй, даже чуть пугало.

Еще раз прогнал тест системы. Все узлы работали штатно, компьютер, резво катающийся в трех своих «поплавках» неведомые человеку машинные мысли, был доволен вверенным ему хозяйством. Чего нельзя сказать о человеке – Куцев начинал нервничать.

Инженер посмотрел на свои ладони. Дрожь ушла, да и голова соображала вполне здраво. Неизвестно, что за дрянь скрывается внутри белого как снег мела, но помогала эта штука вполне. Нет, нажать на кнопку иньектора, заполненного вождленным синдином все равно хотелось, это останется с ним до конца жизни. Но после таблеток со вкусом жженой резины хотя бы можно ощущать себя человеком, а не загибающимся в судорогах сморчком.

– Капитан, как идем? – спросил Куцев, связавшись с Мустафой через корабельную сеть.

– Нормально идем. Тут что-то по твою душу сообщают.

– Знаю. Видел уже. Оттого и интересуюсь. Ситуация штатная, видимо, нужна коррекция распада. Пойду, прогуляюсь в реакторный отсек – разберусь на месте.

– Давай. Мы уже в проливе, так что, если вдруг кто-то уже пронюхал про нашу авантюру с Архипелагом, ход нам очень пригодится. Ты уж постарайся, чтобы работало все как надо.

– Есть, капитан!

Куцев натянул неуставные бермуды, поблекшую на солнце майку без рукавов и резиновые вьетнамки. «Made in China», – красовалась немного потерянная надпись на слоеной подошве. Можно подумать, обычные вьетнамки не мог делать кто угодно. Но все отчего-то продолжали закупать их у поднебесников. Точнее, закупали до Катастрофы, теперь вообще непонятно, кто у кого покупает.

В коридоре через широкие иллюминаторы испепеляло пространство нещадное африканское солнце. Не иначе инженеры, проектировавшие судно, хотели поиздеваться над экипажем – на большинстве кораблей коридоры проходили в глубине палуб и имели только искусственное освещение. Но не на «Хеллеспонт Стар» – здесь от палящего светила не укрыться. Быстрее бы добраться до лифтов.

Благословенная темнота, которой так жаждали пострадавшие от яркого света глаза Куцева, пришла неожиданно. В самый неподходящий момент.

Наползающие одна на другую строчки на наноэкране продолжали уверять, что повода для беспокойства нет, но Виктор этому уже не верил. Снова приступ паранойи? Лучше, если так. Но свет в лифте не выключается, когда с кораблем порядок.

Яркие люминесцентные лампы моргнули пару раз и погасли, оставив кабину в полумраке, разгоняемом едва теплящейся аварийной подсветкой лифтовых кнопок. Спустя несколько мгновений кабина лифта резко дернулась пару раз и остановилась. Внутри тесного помещения повисла непривычная тишина – вентилятор воздухозаборника отключился.

Палец стремительно перемещался по гладкой стене, выбирая нужные пункты меню. Полной картины не было – с сетью что-то происходило. Наконец-то! Все снова заработало. Внезапный обрыв питания, автоматика отключилась на секунду. Электроснабжение восстановлено. Значит, лифт тоже скоро поедет.

Кабина вздрогнула, по глазам резануло сиреневатым светом люминесцентных ламп, и включился вентилятор.

– Что у тебя там происходит?! – послышался голос капитана.

– Пока не знаю, – ответил Куцев. – Я в лифте. Если верить нашему компьютеру – все в пределах нормы. Через минуту прибуду и разберусь лично.

– Давай поторопись. Нам только SOS не хватало сейчас в эфир пустить: все слетятся, как стервятники к подохшему слону. Али на всякий будет дежурить в моторном.

– Так точно, уже приближаюсь, – послышался голос моториста.

Двери лифта плавно разошлись в стороны, сигнал промурлыкал, сообщая об остановке. Он почти на самом дне. Дальше лифт не идет. Дальше никто не ходил – ниже только мощный просвинцованный корпус реакторного отсека, там без спецснаряжения дольше пары минут не протянет никто.

Прямо перед Виктором торчал стальной парапет, впереди которого возвышалось толстое, непроницаемое для радиации стекло. Непроницаемое, конечно, до определенной степени. Внутри вела мощная дверь. За ней, перед желтым квадратом радиационной защиты, крышки буферной емкости теплоносителя, торчал шестиугольник плиты реакторного блока, утыканный верхушками тормозящих стержней. Доступ внутрь был только у Куцева и капитана.

Мельком глянув на показатели радиационного фона внутри, Виктор пнул кнопку привода двери. Сеть узнала «балалайку» инженера, и тяжелая плита, шипя пневматическим приводом, отвалилась в сторону. Как только Куцев оказался внутри, автоматика герметично задрала реакторный блок.

Хочешь знать ситуацию из первых рук – проверяй данные лично. Конечно, забраться внутрь реактора Куцев не мог, но здесь, в реакторном блоке, все показатели дублировались, причем дисплеи, украшавшие стены вокруг шестиугольной плиты, показывали данные напрямую, минуя корабельную сеть.

Виктору хватило секунды, чтобы понять, что дело дрянь. Скорость распада была на пределе и грозила свалиться в неуправляемый ураган ядерного взрыва. Температура росла прямо на глазах. При этом «балалайка» показывала совсем другие данные. Секунду назад – показывала. А теперь картинка, моргнув, сменилась точной копией того, что Куцев видел на экранах перед собой. «Система восстановлена» – всплыла на мгновение надпись внизу поля зрения. Сбой системы, вирус, разрушающий корабельную сеть? Атака тритонов исключена – «Хеллес-понт Стар» шел абсолютно автономно, Крайс до входа в жерло Кенийского пролива даже не пользовался радаром: они соблюдали режим радиомолчания, чтобы не быть обнаруженными случайным радиолюбителем, сообразившим поискать здесь супертанкер. Тогда что же?

Времени разбираться не было.

– Капитан! – заорал Куцев, вызывая Мустафу на связь.

– Что стряслось?

– У нас...

Закончить фразу он не успел – оглушительно завывла сирена радиационной опасности. У Виктора была всего одна минута, чтобы убраться из реакторного блока. Потом дверь блокируется во избежание радиоактивного заражения судна.

Сквозь вызывающий вибрацию где-то внутри головы вой пробивался голос капитана, но Куцев даже не пытался понять, что тот говорит. Все его внимание было направлено на управление реактором. Только бы сеть не рухнула окончательно – вручную выключать плюющийся смертоносным излучением котел не хотелось.

Теперь «балалайка» если что-то и врала, то не сильно – цифры на наноэкране вполне соответствовали происходящей за толстой переборкой катастрофе. Чего же автоматика не запускает стержни?

Словно повинувшись мыслям инженера, длинные поглотители плавно один за другим поползли в глубь активной зоны.

«Черт возьми, они не успеют», – подумал Куцев. Лоб покрылся холодной испариной.

По полу шла отчетливая вибрация, и теперь Виктор увидел ее причину: в реакторном отсеке желтый квадрат на полу скакал, как децентрированная стиральная машина, а в правом дальнем углу из-под приподнявшейся пластины вырывалась струя пара. Теплоноситель кипел, создавая внутри давление, готовое разорвать котел в клочья.

– Какого черта ты молчишь?! – орал Мустафа.

– Капитан, – ровным и оттого пугающим голосом произнес Куцев, – мы теряем реактор.

Сомнений в том, что реактор придется затушить, включив активную защиту, у инженера уже не было. Главное – успеть, иначе «Хеллеспонт Стар» превратится в облако радиоактивных обломков в считанные минуты.

Он отдал команду на активное прекращение ядерного распада, не дожидаясь, пока сработает автоматика – корабельный компьютер за последние полчаса растерял весь свой авторитет. Кадмиевые стержни, красивым кружком торчащие в центре шестиугольной крышки реактора, едва заметно вздрогнув, поехали внутрь.

– Так сделай же что-нибудь! – закричал капитан.

– Я останавливаю реактор. Аккумуляторы под завязку – я вижу датчики.

– Я их и без тебя вижу, – уже спокойней сказал Мустафа.

– Часть зарядки уйдет на работу помп.

– Глуши свое хозяйство. Совсем!

– У нас перегрев и утечка теплоносителя. Его надо охладить, пока контур не разнесло к чертям.

– Африка, мать ее, – проворчал Мустафа.

– Да уж, – согласился Куцев. – Арктика сейчас была бы кстати – вода там холоднее.

Все-таки крышка компенсатора с тяжелой водой не выдержала. Отошедшую пластину вырвало из крепления и артиллеристским снарядом запустило куда-то в потолок. Сверху посыпался мелкий лом. Куцев присмотрелся – не критичная поломка.

В образовавшуюся квадратную дыру тридцать на тридцать сантиметров следом за крышкой гейзером взметнулся фонтан пара. Видимость через стекло снизилась до нуля.

Куцев глянул на счетчик – интенсивность излучения медленно росла. Предел радиационной защиты реакторного блока был превышен.

– Али, как обстановка на турбине? – спросил инженер.

Цифры на наноэкране говорили, что турбина работает штатно. Имело место небольшое избыточное давление, но перегретый пар теперь стравливался в запертый блок реактора.

– Все в порядке, клапан сброса отработал.

– Радиация?

– Растет понемногу. Пока не критично.

Значит, теплоноситель прорвался в рабочий контур. Плохо дело – теперь радиационного заражения большей части танкера не избежать.

– Али, проверь оборудование, главное – подачу энергии с аккумуляторов, отключи автоматику на турбине, задрай все люки и уходи из машинного отделения.

Помпы из последних сил с натугой гнали в градирню воду из океана – безобразно теплое, прогретого безостановочно жарящим солнцем, – сгоняя конденсат обратно в систему. Температура пока не падала, хотя, если верить тому, что приходило Куцеву в «балалайку», цепная реакция в реакторе полностью остановилась.

– Али, что с аккумуляторами? – спросил Куцев.

– Все в порядке, пока идет зарядка. Системы в штате.

– Вали из машинного.

– Задраиваю люк.

– Молодец. Отошел?

– Не понял?

– От люка отошел?

– Да, я уже в лифте.

Правильно, что в лифте. В суматохе Виктор не подумал, что ему тоже стоит быть в лифте: в аппаратной реакторного отсека изрядно фонило, и лифты могут заблокироваться, если компьютер «Хеллеспонт Стар» посчитает их работу небезопасной.

Двери лифта закрылись, дернуло. Подъем в жилую зону, на высоту десятиэтажного дома занимал около тридцати секунд. Приехали.

Показания, красным пятном висящие перед глазами, медленно начали уменьшаться. Все, красного больше нет, и давление продолжает падать.

– Какой у нас запас хода? – был первый вопрос, который задал Куцеву капитан.

– Пока трудно сказать, – сказал инженер, потирая руки. – Миль двести. Вряд ли больше.

Мустафа поджал губы. Не то выражая недовольство, не то подсчитывая что-то в уме.

– Покажи руки, – сказал Мартин, тоже сидевший в рубке. Судно входило в акваторию Кенийского архипелага, и штурман непрерывно следил за курсом, помогая на мостике капитану.

Виктор вытянул руки.

– Так и есть, – констатировал Крайс, бывший на корабле по совместительству еще и врачом, – дозу хватанул.

Куцев посмотрел на свои ладони – краснота отлично просматривалась даже сквозь темный, кофейного цвета, загар.

– Нечего тут своими изотопами трясти. Давай, бери Али и вместе на палубу мыться. И выпейте «Радиодурант». По две таблетки. Одежду выбросите к чертовой матери в утиль. Только жечь ее не вздумайте.

– Я считаю, нам всем лучше на палубу переместиться – в вентиляцию все равно что-то попадает. Снаружи безопасней.

– Я, пожалуй, останусь здесь, – задумчиво произнес Мартин. – Среди островов автоматике лучше не доверять, а на палубе психопривода нет. Кэп – решение за вами, но я справлюсь и один.

– Где высадка? – спросил Мустафа.

Мартин пожал плечами.

– Куда дотянем.

2. Территория племени Хаммар

Ветер играл сухой травой, шорох саванны менял тональность, будто пытался рассказать что-то путнику. Келле, притаившийся у куста, следил за антилопой. Небольшое животное робко перешагивало с копытца на копытце в поисках травы повкусней.

Настали странные времена – Хаммар приходилось охотиться, чтобы добывать себе пищу. Все коровы погибли. Да и от самого племени осталось не больше сотни человек.

Когда земля вздрогнула и стала проваливаться, вода в реке, тысячелетиями дарившей жизнь Хаммар, исчезла. Им ничего не оставалось, как идти туда, где земля все еще держалась на своем месте. Шли долго, многие умерли – воды не было нигде. Пили кровь коров, но животные тоже не могли обходиться без воды. Сюда не дошла ни одна корова.

Вопреки ожиданиям, их никто не пытался прогнать или убить – белых людей уже не было в этих краях, те, кто не погиб сразу, уехали после первых толчков. Местные племена, однажды высказав свое недовольствие, больше не трогали Хаммар, обосновавших на этом, не самом привлекательном, клочке уцелевшей земли. Хаммар, которые ушли жить в города, Келле нигде не встречал – никаких городов в этой части Африки больше не было.

После того как в реке Омо закончилась вода, землю трясло еще много раз. Старик Кеффер, что жил здесь задолго до Хаммар, рассказывал, что долины Омо теперь нет. Там теперь море.

Шур-шур. Шур-шур-шур. Размеренное шуршание вывело Келле из раздумий – антилопа медленно приближалась к чахлому кусту, за которым сидел охотник.

Келле, невысокий, худой юноша, еще не был маза. Ему только предстояло пройти обряд укули и стать настоящим мужчиной. Тогда он сможет выбрать себе жену и завести семью. Но он понимал, что на его плечи ляжет обязанность обеспечить семью необходимым – едой, водой, одеждой. На стадо, что должно было перейти к нему по наследству от отца, надежды не было – не было теперь ни стада, ни отца: Афа пытался сбечь хотя бы несколько коров, но ему было не суждено дойти до новой родины Хаммар.

Тетива послушно легла в правую руку, стрела потянула упругую жилу назад, готовая вырваться вперед и сразить назначенную Келле жертву. Нет, еще рано – убойная сила лука невелика, а антилопа не подобралась достаточно близко. Да и промахнуться можно с такого расстояния.

Старик Кеффер рассказывал, что на антилоп нужно охотиться совсем по-другому: бежать за ней, пока животное не устанет, а потом... Потом с ней можно было делать все, что угодно, – на сопротивление у антилопы сил не оставалось. Но Келле не умел бегать так долго, как Кеффер – маленький, худощавый, созданный, казалось, из одних только жил, не знающих усталости. Кеффер мог бежать несколько дней, ни разу не остановившись.

Для Келле этот способ не подходил – он начинал задыхаться раньше, чем антилопа успевала понять, что за ней кто-то гонится. Оставалось ждать удачи в засаде с самодельным луком, в надежде, что глупое животное само пойдет навстречу собственной гибели. Дважды Келле уже удавалось добыть мясо таким способом. К сожалению, вылазок, когда он возвращался с пустыми руками, было намного больше.

Те два раза, что стрела, выпущенная неумелыми руками Келле, вонзалась в шею убегающей антилопе, происходило что-то еще. Юный охотник чувствовал, что действует не в одиночку, кто-то помогал ему, будто невидимая длань направляла руку, посылая кривоватую стрелу точно в цель. Совершенно точно это был дух кого-то из предков Келле. Скорее всего – Афы, отца молодого человека.

Обряд провода духа предков, не дошедших до этих уцелевших во время землетрясений мест, не выполнили. Не было коров, не было коз, необходимых для проведения обряда. А того,

что мужчины Хаммар добывали охотой, едва хватало, чтобы не умереть от голода. Иногда и не хватало.

Поэтому Келле был убежден, что мир вокруг них полон духов. Кулфу, их колдун, говорил, что духи могут быть злыми, они недовольны, что не могут перебраться на другой берег. И чем дальше предки будут оставаться здесь, вместе с живыми, тем большее недовольство это у духов вызовет. Келле в этом сомневался – хотя бы потому, что другого берега теперь не существовало. Река Омо, на западном берегу которой обитали духи, дождавшиеся достойных проводов, затерялась на дне нового моря.

Глаза охотника неотрывно наблюдали за приближающейся добычей. Антилопа до сих пор не учуяла молодого человека. Сегодня удача была на стороне Келле – легкий ветерок дул прямо ему в лицо и ни разу не поменял направления.

Зубы животного ритмично пережевывали пожухлую траву. Вот уши поднялись, челюсти остановили свое движение. Что-то потревожило ее. Только бы не убежала – догнать антилопу Келле точно не сможет.

Но нет – антилопа подергала коротеньким хвостиком, удобрив саванну порцией навоза, и снова принялась дергать траву, выбирая наиболее сочные стебли.

Вот она, совсем рядом. Еще чуть-чуть и будет достаточно близко для выстрела. Рука охотника медленно двигалась назад, натягивая тетиву. Хрум – антилопа оторвала очередной пучок, брм-брм – едва слышно отозвалась натягиваемая тетива. Ничто не должно испугать жертву, антилопа не должна слышать охотника, он для нее не существует.

Келле почувствовал, как кто-то или что-то нежно поглаживает его руку. Ту, что держала стрелу. Он осторожно опустил глаза, но ничего не прикасалось к коже. Откуда тогда это странное ощущение?

Антилопа сделала еще несколько шагов к кусту. Можно стрелять! Теперь главное – не промахнуться. Взгляд Келле был неотрывно направлен на ничего не подозревающее животное. Внезапно перед глазами заплескали яркие точки и круги. Келле тряхнул головой, пытаясь прогнать наваждение, но круги не исчезали. Антилопа приблизилась еще немного и остановилась, напряженно прислушиваясь. Возня охотника в близких зарослях могла ее напугать. Больше медлить нельзя.

Рука, прямая и твердая, резко потянула тетиву назад. Тихий, но ясно различимый в утренней тишине звук растягиваемой жилы достиг ушей антилопы. Животное встрепенулось, подобралось, задние ноги уперлись в сухую землю и...

Яркие круги, что мешали Келле видеть добычу, резко метнулись в одну точку, сойдясь точно над пульсирующей на шее животного жилкой. В следующее мгновение кто-то сильный резко потянул Келле за запястье, рука рванула тетиву, и стрела, молнией метнувшись из кустов, вонзилась в шею жертве, когда та, резко оттолкнувшись, парила в воздухе, надеясь уйти от удачливого охотника.

Приземление антилопы нельзя было назвать мягким – передние ноги подогнулись, нос с размаху воткнулся в траву, стрела выскочила из раны, разбрызгивая по желтому густым красным, и, теперь уже просто туша, кубарем покатила, поднимая облако пыли. Небольшое стадо собратьев незадачливой жертвы, пасшееся невдалеке, встрепенулось и мигом ретировалось.

Келле в испуге бросил нехитрое оружие на землю, выскочив из кустов. Глаза его расширились, приоткрытый рот судорожно втягивал воздух. Никого не было: ни в кустах, ни в траве. Никто не прятался там, в этой части саванны остались только Келле и туша поверженной антилопы. Кровь продолжала толчками вырываться из маленькой ранки на шее, задняя нога слегка подергивалась, но было очевидно, что животное мертво.

Молодой человек посмотрел на свои руки – пальцы еще дрожали. Как он мог попасть в прыгнувшую антилопу трясущимися руками?! Как он вообще мог попасть в летящую мишень? Это снова был дух его отца! Это он направил руку нерадивого охотника, он показал его неви-

дящим глазам, куда нужно стрелять! Отец заботился о Келле и после смерти. Но Келле было страшно – слишком хорошо запомнились рассказы Кулфу о духах. Он боялся гнева отца, который из-за него, Келле, никак не мог попасть на другой берег. Пусть теперь берег оказался на дне моря.

Охотник приблизился к затихшей антилопе. Трава вокруг была залита кровью, быстро подсыхающей под лучами набирающего дневную силу солнца. Это было неправильно, кровь не должна расходоваться просто так. Тем, что разбрызгалось по траве, можно было напоить нескольких маза. Возможно, что-то еще осталось?

Келле приподнял голову антилопы. Глаза ее подернулись белесой пленкой, язык выпал изо рта, за ним от травы тянулась тонкая ниточка слюны. Из аккуратной дырочки, что оставила на шее стрела Келле, медленно стекала начавшая густеть кровь. Поток уже не пульсировал – сердце антилопы остановилось.

Охотник снял с пояса небольшую бутылочку и приставил узкое горлышко к ране. Бутылочка не наполнилась и наполовину, когда кровь перестала вытекать. Келле убрал бутылочку и, взвалив обмякшую тушу на плечо, пошел обратно, к своим.

Приходилось спешить – сюда, в окрестности горы Кения, стеклись все уцелевшие племена из канувших в пучину океана окрестностей. Вернее, остатки племен, те, кому посчастливилось выжить. Еды на всех не хватало, и, если Келле встретится кто-нибудь из Сумбуру, с тушей придется распрощаться. Хорошо, если его самого не тронут. Масаи отчего-то боялись трогать Хаммар.

В деревне его встречали как героя. Добычу удалось донести в целости и сохранности.

– Дух отца снова помогал мне охотиться, – сказал Келле, зайдя в хижину Кулфу.

Колдун смотрел на молодого человека, нахмурившись. Волосы его были густо выкрашены охрой и ниспадали на плечи оранжевой гривой. Глаза, казалось, наполненные злобой, буравили Келле. Кулфу был недоволен. А может быть, он пытался спросить совета у предков – на то он и шаман.

– Ты уверен, что это был твой отец? – спросил он наконец.

– Да... – начал было Келле, но осекся.

Действительно, кто еще мог помогать юному Келле, если не отец? Хотя с чего это он взял, что пришедший на помощь дух – именно Афа? Он ничего не чувствовал, никакого родства, ничто не тронуло его душу. Скорее, наоборот – напугало. Почему тогда он уверен, что это отец?

– А кто это мог быть?

– Сейчас я спросил тебя! – отрезал Кулфу.

Келле опустил глаза.

– Нет, не уверен, – сказал он.

– Ты! – воскликнул колдун, уткнув указательный палец в грудь молодому человеку. – Ты ничего не знаешь о духах! Они живут вокруг нас. Белые люди потревожили их, духи неспокойны. Они коварны! Они жаждут отмщения и могут выбрать нас, чтобы восстановить справедливость! Мы не можем умиловить их, нам нечего предложить духам! Будь осторожен, когда принимаешь помощь. Духи хитры.

– Но ведь дух моего... этот дух помогал мне!

– Возможно, он хочет завладеть твоим сердцем, приблизить тебя к себе, чтобы ему было проще с тобой справиться потом, – будничным тоном сообщил Кулфу и отвернулся. Разговор был окончен.

Келле повернулся, чтобы выйти. Снаружи в полумрак жилища колдуна врвалось яркое солнце.

– Завтра ты пройдешь обряд укули, – бросил парню в спину Кулфу, не оборачиваясь.

Келле на секунду замер. Завтра? Но как же кровь, которой надо напоить гостей, где взять быков? Чтобы стать взрослым, он должен пробежать по спинам быков. Но у Хаммар теперь нет ни одного быка.

Бона, двоюродный брат Келле, старше его на несколько лет, прошедший обряд укули до того, как их родина опустилась на дно моря, взялся помочь юноше.

Келле пребывал в смятении. Он переживал, правильно ли он все сделал, достоин ли он стать взрослым. Но больше его мучил вопрос, кем был тот дух, который уже в третий раз помог на охоте.

Бона принес чан с забродившим пивом, которое требовалось смешать с бычьей кровью. Быков взять негде, но на кожаном ремешке, перетягивающем бедра Келле, висела бутылочка с кровью антилопы. Как жаль, что он замешкался и набрал так мало крови! Если бы он не испугался, бутылочка могла быть полной. Может быть, он недостойн пройти обряд?

Келле вспомнил взгляд Кулфу – злой, колющий и вместе с тем полный страха перед неизвестным – и решил, что имел полное право испугаться. По крайней мере, он не бросил добычу, не убежал со всех ног, опасаясь, что дух может преследовать его. Он принес антилопу, и теперь колдун Кулфу согласен провести обряд укули. Раз колдун сказал, что обряд пройдет завтра, значит, он знает, как справиться с отсутствием быков.

Кровь была смешана с пивом и оставлена дображивать. Цвет напитка получился слабо-розовым, но все же в нем была кровь. Настоящая, добытая от животного, благодаря его, Келле, силе и умению. И духи помогали ему. Значит, духи хотели, чтобы Келле стал маза.

После того как напиток был готов, юноша вместе с маза Бона спустились в низину за стеблями тростника, для того, чтобы ими можно было высечь сестер и теток Келле. Стебли выбирали самые лучшие, прочные с острыми краями. Такие оставят больше шрамов на коже женщин – подобные украшения их порадуют.

– Ты хороший охотник, – сказал Бона, когда они вошли в заросли тростника.

Келле помотал головой. Он так не считал. Если бы не дух, он ни разу не смог бы добыть антилопу.

– Нет, Бона, – ответил он. – Духи помогали мне, сам я бы не справился.

Губы старшего брата расплылись в улыбке.

– Мир полон духов, они живут вокруг нас. Иногда они бывают недовольны. Но ты пришел им по душе.

Келле с непониманием в глазах смотрел на Бона.

– Теперь о добыче можно не беспокоиться, если с нами на большой охоте будет такой маза, как ты, – духи не станут смеяться над нами, они помогут.

Келле пожал плечами. Может быть, Бона и прав, а Кулфу ошибается и ему нечего опасаться. Но ведь Кулфу – колдун...

Листья тростника, качающегося на ветру, щекотали затылок юноши. Келле непроизвольно поднял руку и почесался. Пальцы наткнулись на твердую, немного выступающую над кожей головы полоску, размером в полпальца. Откуда у него взялась эта штука, Келле не помнил. Но до того, как земля начала дрожать и провалилась на дно моря, ее не было. Ни у него, ни у Бона, ни у остальных.

Штуковина эта из головы не вынималась, и отодрать ее было невозможно. Она совершенно не мешала, а после того, как Кнеши, который попытался расковырять такую же штуковину на своем затылке ножом, вдруг упал, забившись в судорогах, и спустя сутки умер, Кулфу заявил, что это дары хитрых духов и трогать их нельзя.

– Пойдем, – Бона протянул руку, помогая брату выбраться из раскисшей грязи, – нам нужно пригласить всех маза на праздник.

3. Один из островов Кенийского архипелага

Яркие лучи африканского солнца настойчиво пробивались под прикрытые веки. Гамми перевернулся на другой бок и попытался зарыться лицом в согнутую в локте правую руку. Разбитое лицо сильно саднило. Рука – меньше. Все равно теперь не уснешь. Сколько сейчас – полпятого, пять? Удастся ли в этой жизни когда-нибудь выспаться? Да и сколько ее, жизни-то, осталось?

Гамми со стоном потянулся, в спине хрустнуло, призывно заурчало в животе. Немного поднапрягшись, удалось немного разлепить опухшие от недосыпания и жарящего каждый день ультрафиолета глаза. Как же хотелось жрать! Живя в современном мире, придумавшем синтетическую еду, он не то чтобы забыл, а вообще не представлял себе, что может так сильно проголодаться. Даже будучи в том мире заключенным номер, мать его, один-три-семь-шесть и еще куча данных, зашитых в штрихкод.

Он приподнялся на локтях и осмотрелся. Кругом одно и то же – ссохшаяся, похожая на песок земля и редкие чахлые кустики. Из глаз потекли слезы. Чего же тут так ярко в этой Африке? Не ходите, дети, в Африку гулять. Эх, прав был старикан Чуковский.

Впереди, метрах в двадцати ниже по склону, размахивал руками Бублик. Вот уж неугомонный. Зарядку делает.

Бублик получил свое прозвище за округлость форм, но за почти два года, прошедших со времен катаклизма, его телосложение сильно изменилось. Арестантская роба, выданная на прежний размер, болталась, как балахон. Интересно, Бублику жрать так же хочется или он на жировых запасах живет и особенно не страдает? Вид у него, во всяком случае, бодрый.

Гамми, кряхтя, сел на еще прохладный камень. Единственная прелесть раннего утра – саванна не успела нагреться, и нет ощущения, что попал в бесплатную сауну, выхода из которой не подразумевается.

Руки непроизвольно выдернули клочок травы, неуверенно растущей из-под камня, и засунули в рот. Механическими движениями Гамми пожевал и, матерясь, выплюнул горькое сено. Голод, блин, не тетка. Скоро землю жрать начнем.

– Как самочувствие? – крикнул Бублик, заметив, что Гамми проснулся.

Интересовался он не зря: вчера ребята из жополизов Моралеса здорово отметили парня. Гамми ощупал лицо – распухло вроде не сильно. Но болело все.

– Ничего, жив пока, – прохрипел Гамми. Неизвестно, услышал ли его Бублик, но махать руками перестал и энергичной походкой направился к приятелю.

Странно, что Бублик, уголовник, отбывающий срок в Африке за убийство четверых человек, выбрал себе в друзья именно его, Гамми. Правда, после того как Гамми спас его от расправы уголовников.

До Африки Гамми звали Сергей Аполлинарьевич Звездецкий, жил он в Анклаве Москва и занимался совершенно безобидным делом – заведовал редакцией детских развлекательных и обучающих программ. Кто бы мог подумать, что человек столь мирной профессии может угодить за решетку, и не куда-нибудь, а в Африку – в ту самую, которой пугают детей. «В Африке гориллы», – подумал Гамми, потирая все еще ноющее при перемене погоды плечо, которое два с половиной года назад ему сломал надзиратель Ушенко. Горилла и есть, как его еще назовешь?

Бублик был немного чокнутый. Наверное, оттого и довольный. Но Гамми он выбрал в друзья раз и навсегда. И когда вдруг долбануло, и небо на какое-то время поменялось местами с землей, Бублик не мучился вопросом, на чьей он стороне. А выбор поначалу был богатый.

Так у них и сформировался своеобразный симбиоз. Лишайник, мать его, они, а не люди. Так и есть – грибы с водорослями, растут себе, друг другу помогают. Бублик мужик здоровый,

не смотри, что исхудал, центнер с лишком все еще будет. Трогать его боялись. Даже головорезы Моралеса опасались Бублика. Но умом великана бог обидел, так что самому ему было никак не выжить. А Бублик, хоть и туповатый, но выгоду свою понимал – выбрал в друзья Гамми: умного и не по месту пребывания доброго к людям.

Бублик подошел вплотную, нависнув в обычной своей манере. У него никак не получалось разговаривать, не наседавая на собеседника. Казалось, еще чуть-чуть – и здоровенный увальень полезет целоваться.

Огромный, под два метра (может статься, что и за) ростом, непропорционально худоватый, словно медведь-шатун в феврале, с редкими перепутанными волосами, едва прикрывающими бордово-коричневую лысину, на которой красовался номер ноль-шесть-семь-два и лейбл, он стоял, закрывая собой висящее недалеко от горизонта солнце, и улыбался во весь рот. Руки теребили истрепанный подол износившейся робы, ноги нетерпеливо переступали. Ботинок у Бублика уже давно не было. Гамми не знал, куда он девал обувь, скорее всего, просто изорвал.

– Скажи, а тебя почему зовут Гамми? – пробубнил он и тихо засмеялся.

Этим вопросом начиналось каждое утро. Бублик не то хотел пошутить, не то на самом деле никак не мог запомнить объяснения. Гамми этот странный ритуал давно перестал раздражать.

– Мишки такие были, – проворчал он и, сжав зубы от боли, поднялся на ноги.

– У-у, – понимающе промычал Бублик. Хотя ни хрена он не понял.

– На помощь спешили, – тихо добавил Гамми, осматривая окрестности. До горизонта пейзаж не изменял своей однотипности: желтоватая рассохшаяся земля, редкие островки пожухлой травы и одиноко торчащие колючие кусты. – Вот и dospешились. Жратва сегодня есть?

Громила улыбнулся жутковатой редкозубой улыбкой и показал змею, зажатую в огромном кулачище.

– Отлично! – похвалил Гамми, забирая поверженную рептилию. – А ты? – спросил он, заметив, что змея целая.

– Я две поймал.

– Молодец!

Гамми высмотрел камень поострее, отрубил им змее голову, выдавил себе в рот кровь и аккуратно освежевал тушку. Можно, конечно, изжарить, но это долго и с костром возиться не хотелось. Змеи и сырые вполне съедобны.

Если бы три года назад ему кто-нибудь сказал, что змею можно есть вот так... Нет, он знал, что змей едят, суп вроде из них варят. Но чтобы сырую, вытягивая из еще теплой тушки кровь – достаточно было бы просто рассказать Звездецкому о подобном безобразии, чтобы его желудок вывернулся наизнанку. А вот Гамми вполне освоился со змеиной диетой. Выбирать особо не приходилось – и змею удавалось добыть не каждый день.

– Ну что, дружище, – вытирая измазанные змеиной кровью руки, выпросил Гамми, – пойдём в родные пенаты?

– Пойдем, – согласился Бублик.

Что такое пенаты, Бублик не знал, ему и не было это интересно. Он привык, что Гамми называет так место, где они жили – небольшая пещерка, затерявшаяся в скалистом нагромождении в глубине пустыни.

Груда камней, развалины того, что носило сухое официальное название «Исправительное учреждение №123 Центрального филиала СБАТ». Арендодатель – Всемирная рудная компания, а в простонародье именовалось «Африкой», теперь принадлежала Моралесу.

Большому сытому миру было невдомек, что Африка – это огромный континент, и он далеко не ограничивался границами тюрьмы Службы Безопасности Анклавов. «Африка»

была символом, олицетворением силы и власти корпораций, стоящих за Анклавами и СБА. «Африка» была синонимом смерти. Но не быстрой и явной, а медленной и непонятной. «Сгинул Иванушка в дальних странах», – как говорили в старину в сказках. Все, кто попадал когда-либо в «Африку», сгинули. Даже тот, кто вернулся – существование, что влачили они после пребывания в «Исправительном учреждении №123», жизнью назвать было нельзя.

А потом в один прекрасный день – они тут, считай, все прекрасные, солнце шпарит, не останавливаясь – земля вздрогнула так, что на какое-то мгновение поменялась местами с небом. От построек «Исправительного учреждения № 123» камня на камне не осталось. Выживших искать смысла не было – в том крошечном, в которое превратились стены тюрьмы, выжить не мог никто. Такая же участь постигла и городок, где обитали работники «Африки» с семьями: все сидели дома, наслаждались комфортом под кондиционерами, когда мир сошел с ума.

Вот так и получилось, что в живых остались только заключенные, которые вкалывали на каменоломне, размахивая кирками, да трое охранников, присматривающих за ними. Труд, как говорится, облагораживает. И, как выяснилось, помогает выжить. Тупой, ненавистный труд, придуманный не из необходимости, но в наказание.

В каменоломне тоже произошел обвал. Половину невольных камнетесов завалило оползнем. Но около трехсот уголовников и нарушителей спокойствия Анклавов, грязных, раненых и перепуганных, выбрались наверх. После того как толчки прекратились.

Выжили только те, кто был потрусливей: смельчаки и заводилы рванули прочь из каменоломни сразу, когда поняли, что догонять их никто не будет. Они теперь вообще на хер никому не были нужны.

Толчки продолжались три дня. Или два – Гамми точно сказать не мог: было настолько страшно, что следить за восходами и закатами, наслаждаясь багрянцем, рассеянным в поднятой в воздух пыли, не имелось ни малейшего желания. Потом трясло еще несколько раз, но уже не так сильно. Спустя несколько месяцев толчки прекратились.

Они лежали там, где их застал первый удар, вжавшись в землю, вцепившись в крошащиеся камни из последних сил, стараясь удержаться на грешной земле, не желающей больше терпеть их на своем израненном теле.

Всех, кто полез наверх, на свободу, как думали беглецы, после первого толчка завалило осевшим склоном, по которому они пытались вскарабкаться. Второй толчок случился минут через десять. А потом трясло, не переставая.

Около пятидесяти раненых умерли в первую неделю после толчка. Дальше многих выкопсил голод.

Человек – животное стадное, не прошло и десяти дней, как счастливчики, выжившие в Катастрофе, стали сбиваться в стаи.

Основной проблемой была еда. Живности в окрестностях «Африки» водилось не особенно много, охотиться никто не умел, да и нечем было охотиться. Оружия, как ни странно, в «Африке» было немного – какой смысл угрожать пулей, когда безжизненность территории, простиравшейся вокруг тюрьмы на много километров, страшила куда больше. Желающих прогуляться под палящим солнцем без еды и воды не водилось. За все годы существования «Исправительного учреждения №123» не было зарегистрировано ни одной попытки побега. Может быть, Флобер, не доживший до страшного суда, о чем-то и умалчивал, но даже если кто-то и пытался, живых беглецов из «Африки» в цивилизованном мире не наблюдалось.

Проблему решил Моралес. Был тварью до Катастрофы, остался ею и после. Моралес был одним из тех трех надзирателей, что наблюдали в тот день за заключенными в карьере. Больше из людей, пребывающих здесь по собственной воле, не выжил никто. Собственно, сегодня живым был один только Моралес – этот гад лично прикончил своих сослуживцев, когда обе-

зумевшие от страха и вдруг свалившейся на голову никому теперь не нужной свободы урки избили до полусмерти своих недавних истязателей.

Моралесу тоже досталось. Но гад оказался живучим – из последних сил он дополз до подыхающих коллег и подвернувшимся камнем разможил обоим головы. Зрелище вызвало отвращение даже у бывалых убийц. Как выяснилось пятью минутами позже, он знал, что делал. Но Гамми видел эту кровавую бойню собственными глазами, он видел безумный озверевший взгляд Моралеса и страшную, похожую на звериный оскал улыбку, обрамленную коркой запекшейся крови, пыли и слюны, когда его руки опускали камень на головы еще живых и всепонимающих сослуживцев. Моралес воспользовался моментом и сделал это с удовольствием.

Пока свора, набросившаяся на бывших надзирателей, приходила в себя, после продемонстрированного им реалити-шоу, Моралес вытащил острый стальной клинок, припрятанный Стивенсоном – тем, кого он добил вторым, – и, воспользовавшись всеобщим замешательством, несколькими точными ударами заколол троих паханов бандитской шайки. Теперь главным в своре стал он.

Моралес рассудил правильно, решив, что на всех не хватит чахлах ресурсов «Африки». Но он долго собирался с мыслями, и несколько десятков арестантов успели уйти из развалин, бывших раньше их тюрьмой. Среди ушедших был и Гамми, сразу уразумевший, что к чему, и утащивший за собой Бублика, не понимавшего, что долго терпеть его взбалмошный характер Моралес не станет. После того как превращенных в рабов слабаков, не сумевших выбраться со дна нового общества, ставших ненужными после завершившегося разбора завалов, начали поочередно закалывать и скармливать остальным, Бублик стал почитать Гамми пуще отца своего.

Голодные рабы морщились и стыдливо опускали глаза, но жрали своих вчерашних товарищей. А куда им было деваться? Потом и морщиться перестали – притерпелись.

Когда поисковые группы, организовавшиеся спонтанно и посланные на разведку Моралесом, уткнулись в берег моря, которого в этих краях отродясь не бывало, стало ясно, что дела их много хуже, чем предполагалось. Они оказались на острове – довольно большом, но окруженном неприступными просторами нового океана. «Африки» больше не было.

Вчера Гамми вернулся к развалинам тюрьмы. Решил попросить у Моралеса воды, займы. В долгий поход, который предстоял Гамми, в известном ему источнике воды было маловато. Идиот! Если бы не Бублик, которого можно одолеть только из снайперской винтовки, Гамми, скорее всего, убили бы. А так – его только начали мутузить ногами, когда обиженный за товарища Бублик швырнул о скалу одного из обидчиков, будто легкий надувной мяч. Тот крикнул и остался лежать, где свалился, мешком. Желание продолжать избиение эта демонстрация силы отшибла у бойцов Моралеса начисто.

Но воды, хотя и немного, он все же у них взял. Когда они с Бубликом – Гамми, отплеывая заполняющую рот кровь, а Бублик, рыча, как голодный волк, – отступали из лагеря Моралеса, им удалось прихватить стоявшую поблизости початую бутылку. Видимо, пил кто-то из тех, кто бил Гамми.

Сам хозяин «Африки» смотрел на происходящее со скалы, прищутив левый глаз и пожевывая поникшую травинку. Четверо холуев терлись возле него. Они могли выстрелить оттуда, но не стали. Гамми видел их отлично. Вот в тот момент он и заметил бутылку. Он метнулся, схватил то, за чем шел сюда. Урки дернулись, но взмах могучего кулака Бублика остановил их пыл.

По тени выходило, что нет и восьми. А солнце уже жарит всю. Еще нет ощущения, что ты на сковородке, но поджарить собственное мясо можно быстро. Гамми ущипнул себя за дряблую руку – было бы тут мясо.

В пластиковой бутылке, второй год неизменно служившей флягой в походах, воды оставалось глотков на десять. Затхлой и немного мутноватой. Ту воду, что они стащили вчера у людей Моралеса, Гамми пока не трогал.

В этой части их «Африки», на Тюремном острове, воды было мало. Реки, если они, конечно, вообще были, пересохли – им теперь некуда было течь. Остались только редкие ключи, которые постепенно приобретали солоноватый привкус. Море брало свое. Совсем скоро здешние места превратятся в пустыню.

Гамми посмотрел исцарапанную бутылку на просвет и протянул Бублику. Здоровяк с благодарностью принял ее и экономно отхлебнул. Гамми посмотрел на судорожно дернувшийся кадык товарища и в который уже раз подумал, что при всей своей первобытной силе, Бублику здесь не выжить – отправившись в поход, он не додумался бы взять с собой воды. Или не нашел бы – в чем. Или... Так можно было перечислять до бесконечности.

Воняющая болотом теплая жижа послушно ушла в желудок. Гамми давно перестал обращать внимание на вкус того, что давало шанс жить дальше. Можно было подумать, что вкусовые сосочки атрофировались за отсутствием объекта восприятия.

– Дома чутко передохнем, подождем, пока жара начнет спадать, и двигаем дальше. С собой забираем всю провизию и воду, – сказал Гамми.

– Далеко пойдем? – Бублика не интересовала причина похода, его занимали лишь утилитарные факторы.

– К морю, – Гамми, прищурившись, всматривался в безжизненный горизонт, словно надеялся разглядеть далекую отсюда большую воду, и добавил без тени сарказма в голосе: – Купаться будем.

– У-у, – у Бублика больше вопросов не было.

Гамми слишком уж надолго задерживаться в бывшей Африке не планировал. Точнее, не планировал Звездецкий, Гамми был урожденным африканцем, считай, аборигеном. Но планы имеют обыкновение рушиться, словно песчаные замки в полосе десятибалльного шторма.

Никто из застрявших на Тюремном острове не знал, что произошло. Здешний, и без того безжизненный и поганый мир разрушился практически до основания. Судя по отсутствию к ним интереса со стороны СБА и пресловутой «Всемирной рудной компании», в остальном мире было ничем не лучше – серия мощнейших землетрясений накрыла весь земной шар. А может, там случилось и что-то похуже.

Гамми понимал, что другой причины вдруг разыгравшихся природных катаклизмов, кроме Станции, которая должна была производить какую-то чудодейственную новую энергию, не было. Вряд ли за те семь месяцев, что он пробыл в «Африке» до землетрясения, успели придумать что-то более мощное и таинственное. Все-таки Мертвый утер всем нос, выкинул фортель, которого от него ждали, но никак не могли поверить, что он на это решится.

До моря километров тридцать. Может, немного больше. К вечеру, когда солнце скроется за горизонтом, они должны добраться.

Вживленный глубоко в мышцы бедра датчик вдруг проснулся, вызывая неприятное подрагивание мышц. Спустила столько лет! Гамми успел забыть о том, что сидело у него в организме. И вот вчера, на закате, он все-таки включился.

«Когда будешь нужен, нанокapsула у тебя в бедре включится. Иди по ее указанию – мы тебя заберем». Гамми так и не смог разгадать смысл этой фразы, но вот последнее утверждение ни за что не желало исчезать из памяти.

4. Кенийский Архипелаг. Супертанкер «Хеллеспонт Стар»

Крайс сообщил, что, по его расчетам, с левого борта должна быть земля. Навигационная система, мать ее за ногу, вырубилась в самый неподходящий момент – стационарный коммуникатор на мостике упорно отказывался сообщить координаты. Сбоит оставшаяся без ремонта техника или снова решили порезвиться тритоны? Вот уж действительно, кого бог мозгами обидел – обдолбаться синдином, чтобы тупо рушить то, до чего тебе в общем-то нет никакого дела. Сборище первобытных вандалов, дорвавшихся до современных технологий. Эпоха Цифры! Фикция, одни слова, в которых большинство тритонов не видело смысла. Какая Эпоха, чего они хотели добиться своими идиотскими выходками? Теперь придется полдня обходиться без поддержки космоса, если кто-нибудь не починит спутник раньше. Кто-нибудь – это «Науком», больше никому. Если москвичи не почешутся, придется ждать, пока из-за горизонта выйдет еще один спутник, рабочий, и их снова станет четыре.

Аккумуляторы корабля работали на исходе. Три огромных винта – каждая лопасть больше человеческого роста – исправно вращались, толкая «Хеллеспонт Стар» дальше и дальше в глубь нового Африканского моря. Совсем скоро их вращение замедлится, а потом остановится. Компьютер не позволит полностью обесточить корабль, иначе им невозможно будет управлять. Времена, когда полсотни матросов и десятков морских офицеров носились по палубе, кричали от натуги, стравливая концы или поднимая якорь, давно ушли в прошлое. Команда «Хеллеспонт Стар» состояла из четырех человек, но, в сущности, хватило бы одного капитана. Остальные трое были на всякий случай. И в этом плавании такой случай представился.

Танкер можно отправить в плавание и вовсе без экипажа, управляя движением через сеть. Но... в нынешние времена стало слишком много «но».

Куцев в сотый раз прошелся по палубе, немного остывшей за ночь, проверяя надежность кранов и клапанов в системе распределения ценного груза. Нефтеналивные насосы он отключил, заблокировав активацию магнитным ключом – теперь через корабельную сеть до них не добраться.

Крайс и Али возились возле шлюпок, набивая их необходимым – провизией, водой, походным оборудованием и оружием. Штурман время от времени припадал к своим архаическим инструментам, сверяясь с курсом. Сверяться особенно было не с чем – точных карт района, где они шли, не существовало.

– Со спутника картинка не появилась? – спросил Мустафа, выйдя на палубу. – Научковцы грозятся восстановить полный охват.

Они с Мартином только что закончили прошупывать эхолотом окрестные глубины – в пределах пары миль хода скал и мелей не было. В рубке радиационный фон медленно, но неумолимо рос. Пока до угрожающих жизни значений было далеко, однако кому охота жариться в ионизирующем излучении: при любой возможности Мустафа старался выйти на палубу. Точно так же вел себя Мартин. Защита расстоянием и временем, как из школьного курса.

– Все так же. – Штурман передал капитану коммуникатор с висящей на нем картинкой со спутника. – Года полтора назад снимали. Здешние развалины пока никого не интересуют. Здесь наблюдение в последнюю очередь восстанавливать будут. Картинка красивая, – Мартин вернулся к разговору о карте, – но здесь чуть не каждый день трясет, очертания береговой линии и подводные вулканы постоянно в движении. Так что идем практически вслепую.

– Ты же не первый раз нас ведешь здесь?

Штурман покачал головой.

– Предугадать фарватер проще – я немного смыслю в геологии и могу понять, где будет глубже на свободной воде. А здесь, внутри Архипелага...

– Плыть нам все равно недолго, – задумчиво произнес капитан и отправился в рубку управлять движением судна.

– Что делать будем?! – крикнул ему вслед Крайс.

Мустафа остановился, снял форменную фуражку, повертел в руках, рассматривая, будто видел ее впервые, и неожиданно бросил головной убор за борт.

– Будем выживать, – хмуро сказал он. – Я надеюсь, все понимают, что дать в эфир SOS мы не можем?

– Но что мы будем делать в Африке? – спросил Куцев. – Какая нам разница?

– В Африке, Виктор, мы сами будем решать, что нам делать, – спокойно объяснил капитан. – В этом смысле неработающий спутник нам на руку – с неба нас не заметит ни один стервятник. А вот если дадим SOS – считай, смертный приговор мы себе подписали. Кто станет разбираться, отчего на борту четыре трупа – был же SOS? А пропавшее судно по закону, думаю все об этом в курсе, принадлежит нашедшему. Вместе с товаром, – тон Мустафы постепенно повышался, и последние слова он почти кричал, колотя рукой по кипенно-белой трубе нефтепровода. Труба отзывалась басовитым гулом, хорошо различимым в повисшей вдруг тишине.

– Ну, в Африку так в Африку, – хлопнув себя по бедрам, согласился штурман.

– Сколько до берега? – спросил у него Куцев, когда Мустафа ушел с палубы.

Мартин пожал плечами.

– Миль тридцать. Другой вопрос – что это за берег.

Виктор смотрел на штурмана. В его глазах отчетливо читался немой вопрос: «Куда?»

– На острова. Мы в Архипелаге.

Боялся ли Виктор? Наверное – да. Но не Африки, не нависшей над ними угрозы робинзонады. Он страшился неизвестности, ожидавшей их на берегу. Что они выиграют, высадившись на дикий берег? В этом районе черного континента и до Катастрофы не было особенно крупных городов. После – одному богу известно, что там теперь. Оттуда не приходило никаких вестей, туда из уцелевшей части мира никто не стремился попасть. Что там искать? Руины бывших трущоб? Разрушенные рудники, разорванные землетрясением на части? Может быть, придет время, и Африка снова заинтересует инвесторов, корпорации и государства наложат на изломанный континент лапу, окончательно изгадив начавшую возрождаться в отсутствие человека природу.

Шевельнув пальцем, Куцев вывел на наноэкран информацию о состоянии аккумулятора. С минуты на минуту начнет падать мощность двигателей.

– У нас подвижности на полчаса от силы, – сообщил он в общий доступ корабельной сети.

– Штурман? – это был Мустафа.

– Примерно так, – после короткой паузы сообщил Мартин. Вероятно, он передал капитану картинку с картой. Такой, какой он ее себе представлял. Интересно, насколько она разнилась с действительностью?

– Хорошо, – капитан вздохнул, – заканчивайте сборы. Выходим на свободное торможение. Штурман – промер глубин каждые три кабельтовых.

– Есть, – довольно вяло отозвался Мартин.

– Инженер, проверить все системы энергообеспечения, подготовить судно к консервации.

– Так точно.

– И лодии наши все заблокируй – компьютерный вопрос тоже на тебе, Виктор. Лучше их вообще сотри к чертям. И копии – себе в «балалайку», потом мне перекинешь.

– Принято.

– Восемьдесят шесть, – сообщил глубину Крайс. Глубоко, берег, стало быть, не близко. И птиц не видно.

– Моторист!

– Я! – отозвался Али. Его не было видно, копошился под тентом спасательной шлюпки.

– Продолжать сборы! Ты у нас кок, собери пропитание – тщательно продумай рацион, есть шанс задержаться на берегу надолго.

Куцеву на «балалайку» пришло сообщение.

– Падение мощности двигателей на тридцать процентов, – сообщил он.

– Вижу, – отозвался Мустафа. – Экономичный режим. Толку с его экономии.

«Хеллеспонт Стар» плавно останавливался. Винты еще продолжали вспенивать воду за кормой, но вращение их замедлялось, не пройдет и нескольких минут, как вовсе прекратится. Тяжелый танкер продолжит движение по инерции, ее хватит еще миль на пять-семь. Куцев посмотрел на горизонт. Над морем висела серо-коричневая дымка, земли видно не было.

– Восемьдесят три, – очередной промер штурмана. – Я включу радар?

– Хорошо, – помедлив, согласился капитан. Сигнал радара могли легко засечь недоброжелатели, но выбирать не приходилось – пройти мимо земли им никак нельзя.

– Восемьдесят шесть.

Не Маракотова бездна, но и на прибрежный шельф не похоже. Неужели Мартин просчитался с курсом? Тогда они сгниют заживо на танкере – радиация здесь будет расти. Ресурс движения шлюпок достаточный, но, если они остановятся дальше десяти-пятнадцати миль от берега, найти сушу будет очень сложно.

– Семьдесят четыре, – очередная глубина и следом радостное: – Вижу землю!

Виктор дернулся, снова высматривая тонкую полоску в висащем над горизонтом мареве. Ничего. Видимо, Мартин видел твердь на радаре.

– Где земля? – спросил он у штурмана.

Мартин молча ткнул рукой налево и сообщил новые данные промера:

– Восемьдесят один.

Тяжелый корабль медленно поворачивал туда, куда показывал штурман. Там действительно виднелась тонкая желтая полоса, медленно, очень, мать ее, медленно увеличивающаяся в размерах. Или так только казалось?

Как только нос танкера, подобно стрелке компаса, неотрывно следящей за севером, остановился напротив предполагаемого берега, капитан застопорил машины. Оставался запас свободного хода. Аккумуляторы могли понадобиться для экстренного торможения – промер глубин до них в этих водах никто не проводил. Хотя, экстренное торможение, это громко сказано: для остановки на полном ходу в режиме «полный назад» «Хеллеспонт Стар» требовалось больше двух миль. Мартин держал ситуацию под контролем – эхолоты сканировали дно с точностью, которой могли позавидовать даже дельфины.

– Радар отключен, – сообщил штурман.

Куцев пристально вглядывался в мутную, едва различимую полоску берега. Что ждет их там? Он снял очки, но на фоне яркого неба без темных стекол видно было хуже. Ему вдруг стало как-то неуютно.

Спустя пару минут Виктор понял, что тут не так – исчез непрекращающийся гул и вибрация мощных движков. Только свист ветра и шум плещущихся о борт волн. Настоящее море, настоящий корабль. Именно такие звуки сопровождали в плавании корабли прошлого, когда не было никаких реакторов, никаких моторов и «балалаек». И планета жила сама по себе, а не стонала под непосильным гнетом оседлавших ее обезьян, возомнивших себя вершителями судеб Вселенной. Не хватало разве что скрипа досок и такелажа.

– Тридцать шесть! – резко выкрикнул Мартин, выдернув Виктора из раздумий.

– Прогноз?

– Глубина без уменьшения. Фарватер не вижу.

Куцев механически проверил данные, поступающие из моторного отделения – с двигателями полный порядок, в аккумуляторах резерв на три минуты полного хода. Скорость семь с небольшим узлов.

– Впереди скала, – сообщил штурман. – Шесть кабельтовых.

– Вижу, – отозвался капитан.

«Хеллеспонт Стар» начал медленно забираться вправо. Слишком медленно – скорость продолжала падать, и маневренность уменьшалась с каждой минутой.

– Тридцать два.

– Обзор дна?

Виктор не видел объемной модели океанического дна, созданной Мартином на основе данных эхолотации – картинку штурман отослал только капитану.

– Что скажете, Мартин? – Мустафа сомневался. Он видел что-то такое, что не вызывало оптимизма.

– Глубина на стыке – двадцать восемь. Дальше пока прощупать не получается – сигнал экранируется скалой. Скорее всего, глубины больше не будет.

Предел для «Хеллеспонт Стар» составлял двадцать четыре метра. На двадцати трех с половиной танкер прочно сел бы брюхом на дно.

«*Полный назад!*» – команда капитана предназначалась компьютеру «Хеллеспонт Стар». Двигатели послушно включились, в палубу вернулась привычная вибрация, на несколько мгновений вырвавшая корабль из тихого прошлого.

Мартин непрерывно обрабатывал приходящие результаты замеров и отправлял их в «балалайку» капитана. Через три минуты в носовой части лязгнули цепи, и два тяжелых якоря ухнули в воду с высоты пятиэтажного дома.

– Всем закрепиться, – сообщил капитан, – тряхнет изрядно.

Куцев и сам это понял – скорость оставалась еще довольно высокой – и обнял родной палубный нефтепровод, распластавшись по трубе.

Дернуло так, что казалось, нос танкеру оторвет. Форштевень ухнул вниз, судя по грохоту, пропахав недалеко дно, мгновением позже корма подпрыгнула, явив солнцу обросшую ракушками и водорослями ватерлинию, а потом «Хеллеспонт Стар» ухнул обратно, качнулся пару раз, дернулся вперед, еще раз – якоря выкорчевывали тонны грунта из дна – и, наконец, замер.

– Добро пожаловать в Африку, – послышался голос капитана.

Палубу, на которой были закреплены якорные лебедки, выгнуло горбом, но обе цепи выдержали, хоть несколько звеньев и разошлись на спайке. Пробоин не наблюдалось. Это было очень кстати – еще не хватало разлить нефтяное пятно по всей округе.

Берег был отчетливо виден с палубы танкера, однако с высоты опущенных на воду шлюпок желтая полоска терялась за горизонтом. До земли оставалось около пятнадцати миль открытой воды.

– У нас по комплекту батарей Ллейтона на каждой шлюпке, – задумчиво произнес Мустафа. – Запас хода порядка ста миль. Мало, – резюмировал капитан.

– Высадка? – спросил Куцев.

Они остались вдвоем в кают-компании корабля. Мартин и Али заканчивали сборы снаряжи, в последний раз проверяли работоспособность шлюпок. Спасательные суда – большие, крытые пластиковым тентом – скорее можно было назвать моторными яхтами. Если бы не проблемы с энергией, которые испытывал весь мир. Батарей Ллейтона хватит на сотню миль. Запас энергоресурсов у них ограничен – спасательным шлюпкам не предполагалось переплыть океаны.

Капитан выглядел уставшим. Или это не усталость? Мустафа явно о чем-то напряженно думал, то и дело покусывая нижнюю губу. Куцеву казалось, что он хочет что-то сказать или спросить, но почему-то воздерживается.

Идти к берегу решили обоими имеющимися малыми судами – слишком многое нужно было взять. Чтобы сэкономить батареи, одну из шлюпок взяли на буксир.

– Али, что там с батареями Ллейтона? – спросил капитан у толстяка.

– Все в первой шлюпке, кроме той, что стояла на моторе почти пустая – меньше тридцати процентов зарядки.

Али собрал провизию, по его подсчетам, при должной экономии, еды должно хватить на пару недель. Кроме того, Мустафа надеялся, что на берегу удастся разжиться какой-нибудь дичью.

Палатки, целые ящики электрических батарей. Поклажи было много. Вторая шлюпка почти наполовину загружена оружием – несколько «дрелей», пара «дыроделов», охотничьи карабины и арсенал боеприпасов к ним. Сняли даже один из «ревунов», установленных на обоих бортах танкера для защиты от мелких пиратских набегов – вроде древних сомалийцев.

– Куда нам еще деваться? – развел руками капитан. – Здесь мы быстро загнемся, ты это понимаешь лучше меня.

– А там? Там же ничего нет. Может, нам все-таки лучше запросить помощь?

Мустафа покачал головой.

– Нет. Нам никто не поможет. Будем пробираться к городам.

– Каким?

– Не знаю. Об Африке мало известно. Возможно, что-то осталось от Найроби. Может – южнее или западней. Будем искать возможность выйти в сеть и запросить помощь.

– Мы можем выйти в сеть на судне, – Виктору не нравилась идея высадки на неизведанную пустынную землю. Неизвестно, какие сюрпризы поджидают их там.

– Наше местоположение сразу же станет известно, – Мустафа объяснял прописные истины. – Нас никто не будет спасать.

Да, черт возьми! Виктор прекрасно понимал, что первым до них доберется тот, кто ближе. Если это окажутся не силы Европейского Исламского Союза, под флагом которого ходил «Хеллеспонт Стар», их не оставят в живых. Даже прибытие европейского судна не гарантировало им безопасности – частные компании не станут сожалеть о гибели четырех соотечественников ради того, чтобы разжиться черным золотом. Шансов спастись в подобной ситуации у экипажа танкера было немного.

А на берегу? По идее, там им ничто не угрожало. Особенно с таким арсеналом.

– Что там? – Куцев указал рукой в сторону далекого берега.

– Если верить карте полуторалетней давности, есть надежда, что мы высадимся на материк. Но Мартин не уверен в точности этих данных.

– Но если там остров?

Капитан поднялся, намереваясь уйти – на корабле делать больше нечего, они готовы покинуть судно. Мустафа переоделся, изменив строгой форме и начищенным туфлям. Сейчас на нем были плотные джинсы цвета хаки, просторная рубашка и высокие походные ботинки. Куцев и не подозревал, что капитан возит подобный наряд с собой, сам он был одет гораздо проще. В руках Мустафа держал широкополую шляпу.

– В любом случае, мы всегда можем вернуться обратно на танкер. Но попытаться мы обязаны.

Они подошли к краю борта. Внизу на мелкой волне покачивались две яркие оранжевые шлюпки. На корме одной из них возился Мартин, Али видно не было – он ушел под тент.

Первым перешагнул леер Куцев. По традиции капитан уходил с судна последним. Мустафа поднялся с трубы, на которой сидел, закрыл раллер и подошел к борту. Вниз сви-

сали несколько тросов, закрепленных в лебедке. Хопкинс-Джани командой через «балалайку» запустил лебедку своего троса и плавно поехал вниз, а Куцев, замешкавшись на секунду, перелез обратно на палубу и скрылся из вида. Потом появился снова, перевешиваясь через леер, и крикнул:

– Сейчас приду. В каюте вещи забыл.

Капитан лишь улыбнулся в ответ.

Виктор побежал внутрь палубной надстройки. Лифты отключены, придется бежать по лестницам. Три палубы вниз. Черт, жарко здесь без кондиционеров. И радиация – Куцев чувствовал, что открытые участки кожи начинает пощипывать. Или это только воображение разыгралось? Не такой уж тут и высокий фон. Тяжелые подошвы ботинок барабанили по металлическим ступеням. Еще одна палуба.

Виктор остановился на мгновение, вытер со лба выступивший пот. Жарко-то как! Он с ужасом подумал, что там, в Африке, кондиционеров не ожидается. Десять ступеней, поворот. Еще десяток.

Теперь по коридору метров двадцать, вот эта дверь. Доступ гарантирован – несколько часов назад он сам закрывал ее, кодируя замки своей «балалайкой». Сенсор замка признал хозяина и щелкнул.

Аварийное освещение включилось автоматически – основной свет не горел, корабль пребывал в состоянии консервации. Плохо видно. Еще пот заливает глаза!

Куцев натянул на голову бейсболку, повернув ее козырьком назад. Так немного лучше. Только жарко очень.

Вот эта серая крышка. Теплая. Под нею все отключено, просто еще не остыла. Виктор быстрыми привычными движениями выкрутил четыре винта, поднял крышку. Вот они, родимые. Все три, братья-близнецы.

Не раздумывая, инженер поддел два крайних прямоугольника отверткой, выщелкнув их из гнезд, третий оставил. Положил добычу в карман – аккуратно, чтобы не повредить контакты, и вернул крышку на место. Все, теперь нужно зайти в каюту.

Три этажа до нулевого уровня и еще два вверх в жилой отсек. Помещения надстройки нагреваются с устрашающей скоростью. Что здесь будет к вечеру? Наверное, на переборках верхней палубы можно будет жарить мясо.

Задыхаясь от беготни по лестницам, Куцев доковылял до двери своей каюты. То, что нужно, в ванной. Шкафчик, наполовину распотрошенный во время сборов, открыт. Черт, надо же было забыть самое главное! Не здесь, дальше.

Он отверткой поддел уголок задней стенки, отогнул фальшпанель и вынул оттуда небольшую плоскую коробку. Приложил подушечки пальцев к сенсору в определенной последовательности. Крышка, едва уловимо щелкнув замком, открылась. Все на месте. Куцев провел рукой по тому, что лежало внутри. Нет, сейчас не время. Совсем не время.

Потом достал добытое внизу, расположил оба прямоугольника в специально отведенных углублениях и захлопнул коробку. Руки немного дрожали. «Это от усталости», – сказал он себе. Коробка исчезла в рюкзаке, и Куцев закрыл его на все имеющиеся застежки. Все, теперь можно и в Африку.

Он посмотрел на себя в зеркало – пот крупными каплями висел на лбу, бейсболка пропиталась влагой, грудь вздымалась от частого дыхания. Надо успокоиться.

На столе стояла бутылка с остатками воды и фотография. Архаическая, бумажная. Виктору нравились фотографии на бумаге – они были не просто изображениями, отобразившись на плоском листе, покрытом тонким слоем химикатов, они становились чем-то большим, в них появлялась самостоятельная жизнь. Их можно было порвать, сжечь, смять и выбросить. Как человека – никаких копий, это уже не воспроизводилось, в отличие от цифрового аналога,

который можно множить сколько угодно раз. Можно напечатать фотографию заново, но это будет уже другое фото, идентичных не бывает.

Негоже оставлять воду, отправляясь в пустыню. Это казалось глупым. Куцев поднес бутылку ко рту, не сводя глаз с фотографии. Его родители. Здесь им сорок один и тридцать восемь. Мать в красивом черном хиджабе, отец – в деловом костюме. Виктор помнил день, когда сделал это фото. А через два года их не стало.

Он отбросил опустевшую бутылку на диван и, взяв фотографию, вышел в коридор.

В рюкзак снимок он убрал в шляпке. Мустафа вроде бы хотел поинтересоваться, куда отлучался инженер, но, увидев фото, промолчал.

До берега добрались через полтора часа. Прибрежные воды оказались мелкими и изобилующими торчащими из каменистого дна острыми скалами. Правота капитана, решившего остановить «Хеллеспонт Стар» подтвердилась – дальше пути для массивного танкера не было.

Африка встречала неприветливо: берег пустынен – плотный песок, переходящий метрах в ста от берега в ссохшуюся растрескавшуюся землю, редкие пожухлые кусты, почти лишенные листьев, и камни. От нагретой пустыни дрожащими потоками к небу струился жар. До недалекого горизонта, упирающегося в плавно поднимающуюся не то гору, не то высокий холм, ничего другого не наблюдалось.

– Наше туристическое агентство радо приветствовать вас на берегу черного континента! – без особого энтузиазма провозгласил Мартин.

На берегу разбили лагерь – поставили две палатки. Непогоды не ожидалось, но ночью вполне могли пожаловать незваные гости: тучи разнообразных недружелюбных насекомых, змеи и прочая опасная живность.

Костер разводить не стали. Несмотря на безжизненность ландшафта, неизвестно, кто мог прятаться неподалеку. Не хватало приманить свору диких туземцев, если таковые все еще существовали в нынешнее оцифрованное время.

Когда стемнело, поели консервов из запасов Али и выпили чаю из саморазогревающихся банок.

– Какие у нас планы? – спросил Мартин, потягивая горячий напиток.

– Нужно обогнуть этот мыс с севера и двигаться на запад, – ответил капитан. – Если повезет, найдем Найроби.

– Один момент, капитан, – прервал его Мартин. – Если предположить, что от Найроби осталось что-то, кроме воспоминаний, показываться в людных местах на шляпках нам не стоит.

«А ведь Мартин прав, – подумал Куцев. – Быстроходные современные шляпки здесь непременно вызовут подозрение».

– Их еще надо найти, эти людные места, – ответил Мустафа.

– И все же, – настаивал штурман, – на шляпках туда идти не стоит.

– Что вы предлагаете? – нетерпеливо поинтересовался капитан.

– Я предлагаю оставить шляпки и идти пешком.

– А провиант? Сколько мы сможем унести на себе?

– Мы на материке. Здесь должна быть дичь – будем охотиться.

– Хм, – усмехнулся Мустафа. – Здесь должны быть люди. Здесь должны быть города, здесь должна быть сеть – здесь много чего должно быть. Однако, как видите, нет ничего. Я пока не замечал даже ящериц. Нет, этот вариант неприемлем. Я – капитан и принимаю решение идти на шляпках. Выходим завтра утром, двигаемся, пока не израсходуем половину имеющихся батарей. Периодически останавливаемся и высылаем на берег разведку. Если не найдем людей за три-четыре дня, пересмотрим политику.

Мартин недовольно поджал губы, но промолчал.

– Отбой, – скомандовал капитан и поднялся, собираясь уйти в их с Куцевым палатку.

5. Территория племени Хаммар

Упругие тростниковые стебли, которые они с Бона нарвали вчера, со свистом рассекали воздух, оставляя на руках и спинах родственниц Келле темные, наливающиеся кровью отметины. Некоторые обильно кровоточили.

Женщины морщились от боли, но с охотой подставляли тела под хлесткие удары маза. Киндли, двоюродная сестра Келле, с довольной улыбкой демонстрировала подругам рассеченную на предплечье кожу. Шрам точно останется. Шрам – это как память, как долговое обязательство – теперь Келле обязан во всем помогать сестре за то, что она терпела боль ради него. А если он решит забыть – вот оно свидетельство.

Маза, между ударами отхлебывающие пива, смешанного с кровью, из заготовленного заранее сосуда, били девушек все сильнее.

Бешено колотили барабаны. Ритм становился быстрее и быстрее. Женщины, возбужденные праздником и болью, завывали все громче, когда очередной бич прочерчивал кровавую полосу на теле. Те, кто решил передохнуть от ударов, извивались в неистовом танце. Праздник набирал силу.

Келле оставалось лишь наблюдать за происходящим. Он не был маза, он не мог участвовать в бичевании. Голова юноши качалась в такт барабанам. Ему нравился праздник, духи должны быть довольны.

К сожалению, Келле не мог устроить настоящий пир. Такой, какой положено было устроить. И никто не мог помочь ему в этом: дело не в том, что Келле остался сиротой, не было коров, не было коз, которые всегда занимали основное место на праздничном столе. Была лишь антилопа, убитая Келле вчера. В сегодняшних условиях – еда вполне праздничная.

Но Келле опасался. Не недовольства родственников и гостей – все понимали, что времена теперь тяжелые. Он боялся гнева духов, которых в последнее время стало слишком много. Тяжелые невзгоды унесли многих Хаммар, но духов умерших не проводили должным образом. Они летали здесь, среди живых. Вряд ли духам нравилось подобное существование.

Келле верил, что умершим предкам приятно находиться рядом со своими соплеменниками. Но так не могло продолжаться вечно, духи – не живые люди, постепенно они забывают, что когда-то были живы, что раньше у них тоже было тело, была кровь и плоть. Им нужен другой мир, мир на том берегу реки. Там они смогут успокоиться и найти свое место. Там страна умерших, там их ждет Тому, и именно оттуда духи предков должны смотреть на свой народ. Но как помочь им обрести покой?

Праздник удался на славу. Веселились все, даже старики вышли из хижин. Их осталось мало, немногие перенесли долгий и тяжелый переход. Хаммар жили здесь, у подножия горы Кения, уже больше года, но обряд укули проводили впервые – у Келле не было сверстников, никто не выжил.

Юноша стоял в стороне от веселящихся соплеменников. Его лицо оставалось серьезным, а глаза грустными. Он размышлял о мире духов.

– Чего невеселый, Келле? – спросил проходивший мимо маза. В руке он держал чашку, наполненную пивом. Маза уже был сильно навеселе. – Боишься бежать по быкам?

Келле чуть улыбнулся.

– Быков нет, – ответил он, – переживаю, что не будет спин, по которым нужно бежать. Маза рассмеялся.

– Кулфу все продумал. Не бойся.

Колдун на самом деле все продумал. Коров не было, но он нашел им замену.

Вечером, когда от антилопы, пожаренной на костре, не осталось даже воспоминаний, а пиво подошло к концу, Кулфу повел всех, кто участвовал в празднике, в сторону возвышаю-

щейся на юге горы. Шли довольно долго, не меньше часа. Местность вокруг стала гористой, исчезла густая трава саванны, кругом возвышались невысокие скалы.

Вместо коров теперь были камни. Хаммар вышли к довольно ровному склону, на котором лежали пять больших, корявых камней. Пять огромных, размером с настоящего быка, каменных глыб. Да, по ним пробежать будет труднее, чем по мягким спинам животных.

Камни, судя по всему, скатились с горы во время землетрясения, когда земли Хаммар утонули в новом море.

– Сегодня молодой Келле, сын Афы, решил доказать всему племени, что он достоин стать маза! – провозгласил Кулфу. Толпа весело загалдела. – Он выбрал себе трудный путь, – рука указывает на пять валунов, – но он готов пройти здесь.

Барабаны стучали, люди кричали и подбадривали Келле. Но он словно бы ничего не видел и не слышал. Ему казалось, что он здесь один. Один человек. Он, камни и мудрые духи, что терпеливо наблюдали за действиями молодого Хаммар, готовящегося стать взрослым мужчиной. Воином и охотником. Мужем и отцом.

Келле поставил босую ногу на первый камень. Глыба пошатнулась и подалась вперед. Несмотря на огромную массу, валуны легко шатались на гладкой скале. Это испытание может быть сложнее, чем бег по настоящим быкам. Келле даже стало немного не по себе.

Странные камни, как будто их специально сложили здесь, чтобы проводить обряд.

«Ты не о том думаешь», – сказал себе Келле. Сейчас его делом было пройти по всем камням, перепрыгивая с одного на другой, и не упасть. Только так он докажет, что уже достаточно взрослый, что сильный и умелый. У него три попытки, но нужно пройти два раза – туда и обратно.

«Кто помогал Хаммар?» – снова пронеслось в голове.

«Духи помогают племени».

«Духам не под силу ворочать камни», – не прекращал зудеть голос.

Келле оперся ногой, подпрыгнул и... Огромный валун повернулся вперед, и Келле упал, больно стукнувшись задницей о каменное крошево.

Его подхватили под руки смеющиеся маза. Они не насмехались, просто всем было весело. Помогли стать на камень и отпустили. Глыба под ногами ходила ходуном, Келле чувствовал ее тяжесть, ощущал босыми ступнями, как камень трется о камень, растирая мелкую гальку, попавшую между этими жерновами. Устоять на каменной волне было невозможно.

Вперед! Только вперед! Келле оттолкнулся одной ногой и взмыл вверх. Толчок – он на следующем камне. Валун под ногами легко подался вперед, прокрутился на несколько сантиметров, ударился о следующий и откатился обратно. Келле едва удержался наверху.

Хаммар восхищенно закричали. Барабаны зазвучали громче, эхом отдаваясь внутри головы Келле. Удар, еще удар, целая дробь. Ритм навязывал свои правила. Барабаны говорили с ним, они вели свою речь. Удары складывались в слова и образы. Язык духов. Только это понятно им, человеческие слова ничто для жителей иного мира. Боги не обращают внимания на слова.

Впереди еще три камня. Ритм барабанов проникал все глубже, вызывая в голове Келле странное, неведомое раньше чувство. Его наполняла уверенность в собственных силах, он знал, как нужно бежать по спинам каменных быков. Этот был его путь, и никто больше не сможет пройти так.

Прыжок. Еще один. Не мешкая ни секунды, молодой воин прыгнул еще раз. Пятый камень лежал чуть подальше, и Келле едва дотянулся до него кончиками пальцев босой ноги. Он бы обязательно упал, но духи снова помогли ему. Его тело больше не принадлежало ему, им управляли духи.

Руки, словно крылья, резко взмахнули и метнулись вперед, на мгновение удержав Келле от падения. Ноги быстро – нереально быстро – шагнули вперед, центр тяжести изменился, и

валун качнулся обратно, резко остановился, но Келле уже было все равно: его тело пело вместе с барабанами, теперь его не смог бы сбросить с камня даже другой маза.

Юноша стремительно развернулся и, не медля ни секунды, тремя большими прыжками добрался до последнего камня. Оставалось спрыгнуть на землю, и он – маза.

Мир полон случайностей. Стоило ноге Келле коснуться последнего валуна, он, как и положено, качнулся вперед. Маленький камешек, попавший под ненастоящего быка, был всему виной. Всего предугадать не могли даже духи.

«Это люди не могут предугадать ничего. Духи знают все, им не нужно гадать», – прошипел в голове голос, что взялся постоянно возражать.

Валун немного повернулся, совсем чуть-чуть. Но Келле, уже занесший ногу, чтобы спрыгнуть вниз, к этому был не готов. И тот, кто управлял его телом – тоже. Твердь исчезла из-под ступней, и юноша полетел вниз. Камень, ударившись о соседнюю глыбу, покатился назад. Ненастоящий бык должен был остановиться, не докатившись до юноши, но почему-то камень, задержавшись в той точке, откуда начал движение, на секунду, покатился дальше, прямо на упавшего Келле.

Мышцы свело спазмом, руки отталкивались от скалы внизу, ноги стремительно выпрямлялись, чтобы вытолкнуть тело из каменной ловушки. Келле понимал, что никогда не смог бы прыгнуть с такой скоростью. Казалось, еще немного – и кости не выдержат силы тянущих их мышц, колени хрустнули и занули, но он уже летел прочь из-под падающего камня.

«Никакая сила не могла вытащить тебя оттуда», – проворчал недовольный внутренний голос. И теперь Келле был согласен с ним: вся сила и скорость, с которой духи заставили двигаться его конечности, не помогла бы, если бы не произошло нечто... Это было невероятно, это было чудо!

Никто ничего не понял. Вот Келле, скачущий по каменным быкам, словно лягушка по прибрежной грязи, балансирует на верху булыжника. Вот он падает вниз и в следующее мгновение стоит рядом с камнями, потирая колени. И лишь когда вырвавшийся из «стойла» камень с сухим треском перевернулся на другой бок, опустив свою многотонную тушу туда, где только что лежал Келле, бой барабанов смолк. Несколько секунд над площадкой висела полная тишина, потом кто-то из женщин завизжал, остальные присоединились к ней.

Келле, не верящий в собственное спасение, смотрел, не мигая, на покачивающийся камень и молчал.

Он видел. Этого не могло быть, но было – камень, нависший над ним, словно океанская волна, вдруг замер, будто кто-то невидимый и невероятно сильный подпер его рукой, задержал. Всего на мгновение, прошло меньше секунды до того, как валун продолжил падение, но этого времени хватило Келле, чтобы выпрыгнуть из опасного места.

Кто-то спас его. Кто-то помог.

«Это духи, болван!»

«Но духи управляли моим телом».

«Духи держали камень».

«Я сам не выпрыгнул бы так быстро».

«Никто и не говорит, что ты сделал это сам. Но духи – они держали камень».

Барабаны молчали, Келле не чувствовал больше духов, их не было рядом. Но силы не покинули его. Не обращая ни на кого внимания, он снова взобрался на камень. Легко прыгнул, еще и еще, развернулся и столь же непринужденно, словно каждый день совершал подобную пробежку, вернулся назад.

Он стоял на земле перед камнями, он стал маза. Юноша снова стал сам собой, хозяином своего тела, он чувствовал, что больше не способен прыгать, подобно блохе. Но духи ушли до того, как он прошел по каменным быкам во второй раз.

– Духи помогли Келле! – выкрикнул Кулфу. – Он смог пройти по быкам и не упасть. Теперь он маза!

Соплеменники бросились поздравлять Келле, забыв, что тот только что чуть не стал жертвой чудовищных ненастоящих быков.

Маза Келле был рад. Лишь сомнение в том, что духи, помогавшие охотиться и прыгать по камням, были настоящими, никак не хотело исчезать.

6. Почти два года назад. Территория тюрьмы «Африка»

Что же, так и закончится его жизнь?! Здесь, в африканской грязи, среди развалин?! Мерзкие твари! Отбросы общества!

Хоакин крикнул, получив очередной удар ногой, обутой в тяжелый ботинок, под дых. Из рта хлестала кровь. Не понять – из разбитых губ и десен, или красное вытекало изнутри. Он понимал, что на грани. Он почти умирал, еще пара ударов – и все, больше не встать.

Внезапно удары, сыплющиеся со всех сторон, прекратились. Он ничего не видел, не понимал, что происходит. Разбитый рот судорожно ловил пыльный воздух, в горле саднило, очень хотелось закашляться, но не получалось. И отовсюду доносились голоса – мерзкие каркающие голоса, смеющиеся над ним.

Моралес покрутил головой – острая боль пронзила шею – и все-таки увидел: справа от него в пыли лежали две кучи кровавого тряпья. Стивенсон и Крамчук. Эти твари, сорвавшиеся с цепи, притащили их сюда, на плац, где до того, как землетрясение разрушило все, он и другие надзиратели гоняли провинившихся ублюдков до последнего пота. Вы, твари, заслужили это! Отбросы общества, разрушители спокойствия. Никто не виноват, что вы решили, будто стали лучше других! Вам было наплевать на соседей, которых вы грабили, убивали, продавали конструкторам на органы или лично потрошили живых людей. Вы сами сделали этот выбор, и в задачу Моралеса входило воздать должное ублюдкам.

А теперь заключенные решили отомстить. Теперь у них свобода. Тупые твари. Они еще не понимают, что свобода для них – хуже любого рабства. Свобода от всего, их теперь ничего не держит. Ни надзиратели, ни стены, ни запоры... ни еда, ни вода, ни крыша над головой. Теперь ничего нет. Все свободны, как ветер.

Хоакин осторожно поднял глаза на урок: стоят, смеются. Стивенсон слабо стонет. Он не жилец, стон неосознанный, у него началась агония. Крамчук вообще не подавал признаков жизни. Но ведь он сам, надзиратель Хоакин Моралес, жив. И готов выполнять свой долг до конца.

Неужели конец наступит так скоро?!

Спица, Гнедых, Али-Бухарба – трое главарей. Паханы, каждый в своем блоке. Надо же, все выжили, суки. Говно, как говорится, не тонет. И под землю не проваливается. Выстроились в ряд, словно на параде. Стоят, ржут. Шавки вьются вокруг, подхихикивают своим хозяевам. Жалкое отродье.

Вы уважаете силу? Получите!

Хоакин рывком поднялся. Казалось – из последних сил. Но тело слушалось. Болело нещадно, хотелось лечь, свернуться калачиком и уснуть, но слушалось.

В нескольких сантиметрах лежал внушительных размеров булыжник. Моралес рванул камень на себя. Тяжелый, как раз то, что нужно.

Крамчук в паре метров сзади, Стивенсон чуть дальше справа. Стивенсон всегда носил с собой нож. Хоакин знал, где он прячет оружие – отличный десантный клинок, сбалансированный и острый как бритва.

Стивенсон повернул голову. Из рта у него толчками потекла густая темная кровь. Он задыхался – легкие наполнились кровью. Глаза надзирателя неожиданно открылись и уставились на Моралеса. Он все понимал, он просил помощи. Но чем ему мог помочь Хоакин?

Если бы Стивенсон не открыл глаза, возможно, Моралес не решился бы. Но он больше не мог выносить той боли, что вонзала острые когти в самое сердце.

Руки сами подняли камень. Крамчук ближе, он уже не подает признаков жизни. С ним будет легче.

Хоакин занес камень над головой. Силу вам? Разорванные кровоточащие губы растянулись в чудовищной улыбке. Булыжник ухнул вниз, голова Крамчука лопнула с омерзительным хрустом. В лицо Моралесу брызнуло ошметками мозга, он отчетливо слышал, как сзади вырвало кого-то из уголовников.

Главное – не останавливаться! Камень снова взлетел над головой. Руки ничего не чувствовали – еще немного, и он не удержал бы свое первобытное оружие. Два шага направо и еще удар. Последний. Камнем – последний.

Глаза Стивенсона так и не закрылись. Желудок Моралеса содрогнулся внутри, но выплескивать наружу было нечего.

Урки не ожидали от него такой прыти. Клинок трижды проваливался в грудную клетку и выныривал обратно. Три трупа упали в африканскую пыль – Спица, Гнедых, Али-Бухарба. Шавки исчезли, поджав драные хвосты. Моралес медленно повернулся к притихшей толпе, двигая клинок из стороны в сторону. Если урки решат, что он им не нужен, сделать Хоакин больше, чем с сотней уголовников, ничего не сможет. Максимум – заколет еще двух-трех.

Но сила и страх убеждают пуще любого слова. Этими двумя-тремя становиться никому не хотелось. Хотелось, чтобы кто-то взял на себя ответственность, сказал, куда им податься и что делать. Среди них вождей больше не было, а Моралес теперь стал отморозком, настоящим монстром, вселяющим страх и тупое почтение.

Первым в ряду стоял Крюгер – извращенец из Франкфурта. Хоакин не помнил, сколько маленьких девочек изнасиловал и задушил этот ублюдок. Точно – больше десяти. Эта, что ли, тварь была достойна смотреть, как подыхает Моралес, как захлебывается кровью Стивенсон? Хватит! Шоу окончено.

Хоакин протянул окровавленную руку к педофилу. Тот вздрогнул, потом до него дошло, чего хочет Моралес. Крюгер сжимал в руках винтовку. Где он ее раздобыл? Извращенец покорно протянул оружие бывшему надзирателю, которого только что колотил, катающегося в пыли, возможно, прикладом этой самой винтовки.

Моралес резко схватил винтовку и не отказал себе в удовольствии – съездил козлу прикладом по яйцам. Крюгер беззвучно раззявил рот, хватая губами воздух, и повалился на землю. Руки ублюдка сжимали причинное место.

– Есть еще кто, считающий себя здесь главным?! – срывающимся на хрип голосом выкрикнул Хоакин.

Ответом ему послужила тишина. Только ветер, несущий из пустыни горячий песок, говорил, что они еще на грешной земле, а не в чистилище.

– Тогда, мрази, нечего здесь загорать – у нас дел невпроворот. Вон там, – ствол винтовки показал где, – были складские помещения. Здания сильно разрушены, но под обломками многое могло сохраниться. В первую очередь нам нужны еда, вода и одежда.

Все постройки в пределах видимости обратились в холмики, состоящие из бетонного крошева, перемешанного с нехитрыми людскими пожитками. Сейчас то, что для кого-то было дорого и важно, а кто-то гордился, что у него есть *такие* ботинки, выглядело жалко и неубедительно. Отбери у человека его игрушки – компьютеры, одежду и прочее, – и вмиг получишь бестолковую обезьяну, которая и хотела бы вернуться на дерево, но не знает, как это сделать. Люди стали слишком зависимыми от собственных вещей. Но не все. Моралес в первую очередь считал себя человеком, он выполнял свой долг. И долг этот заключался в создании ада для ублюдков, отбывающих наказание в «Африке». Он не намеревался бросать свою работу.

Разрушены были не только тюремные постройки. Городок, где жили работники, многие вместе с семьями, выглядел точно так же. Моралес лишь мельком взглянул на однородные

руины, возвышающиеся на некотором отдалении. Его ничего там не держало – исполнять свой долг он приехал сюда один.

– Заключенный ноль-семь-девять-шесть! – заорал Хоакин. Он сам удивился, откуда у него появились силы. Но, странное дело, как только шайка признала его лидерство, энергии прибавилось. Хотелось работать, создавать мир заново. Хотя бы в такой извращенной форме, какой была «Африка».

– Я! – бойко отозвался лысый доходяга в третьем ряду. Впрочем, они все здесь лысые. Моралес выбрал именно его из-за неуверенности во взгляде. Такие обычно из кожи вон лезут, чтобы руководитель остался доволен.

– Назначаешься старшим по подготовке временного лагеря! – Взгляд заключенного окончательно потух. Ничего, пускай учится верить в себя, это пригодится для его перевоспитания. – Вон ту кучу тряпья видишь?

– Вижу!

– Это раньше было тентом, что торчал над входом в административное здание. Возьмите его, почистите и соорудите из него палатку.

– Но...

– Выполнять! – рявкнул Хоакин, и доходяга пошел по рядам, пытаясь собрать себе помощников.

Пусть старается. Если не сможет организовать других ублюдков, значит, будет ставить палатку сам.

Моралес, сильно хромая, пошел в сторону складов. Несколько самовыдвиженцев на роль холуев тут же подскочили, поддерживая его под руки. «Твари, думают, я их не трону». В первую очередь нужно будет избавиться от этих.

Он как бы невзначай рассматривал толпу – грязные, оборванные, с голодными глазами, но живые. Горстка тех, кому повезло. Или скорее наоборот – им не повезло умереть быстро. «Африка» не спешит убивать своих жертв, ей нравится наслаждаться процессом. Лица разные – кто-то смотрит с искренним обожанием (скорее всего, дешевка, попавшая в «Африку» случайно), кто-то настороженно, однако с готовностью выполнять приказы. Некоторые плевать хотели на Хоакина Моралеса – эти разбредутся в ближайшие пару дней кто куда. Пусть идут. Сейчас их все равно не удержать. Реально с одной винтовкой, заряженной четырьмя патронами (он проверил), много не навоюешь. Оружие в его руках не для устрашений, это символ власти.

Несколько пар глаз поглядывали недружелюбно, изучающе. Эти пока сомневаются, но их стоит опасаться. Здесь два варианта – или убить их сразу, или приблизить к себе и дать поиграться во власть. В любом случае, Хоакин понимал, что ему понадобятся единомышленники и помощники, те, кто будет воплощать в жизнь все его решения. Искать заместителей стоило как раз среди скрытых революционеров.

– Моравски! – позвал бывший надзиратель.

– Заключенный номер шесть-два-семь-семь здесь! – по форме заорал Моравски. Ограбление ювелирного салона, убийство двух безов при задержании. Как это его не пристрелили сразу? Хотя, безы не дураки, понимают, что «Африка» это хуже смерти. Намного хуже, уж он, Хоакин Моралес, постарается, чтобы его заведение продолжало выполнять свои функции.

Моравски вытянулся в струну, словно стоял в строю, глаза выпучены, не мигая, смотрят на Моралеса. Насквозь тебя, гада, видно, ты уже строишь планы, как бы выбиться в дамки.

– Выбери пятьдесят человек и организуй разбор завала склада номер два. Провизия. Рассортировать продукты по срокам хранения, вести строжайший учет.

– Есть! – заорал Моравски и тут же отвесил затрепину стоявшему рядом тритону, поговревшему на грабеже банка. Ломщик пригнулся и воззрился на Моравски затравленным взглядом. – Быстро пошел камни ворочать!

Что у тебя на уме, Моравски, никто не знает. Но силу свою ты уже почувствовал. Главное, не дать тебе увлечься.

Через полтора часа измотанный, но счастливый ноль-семь-девять-шесть доложил о выполнении задания. Моралес в нем не ошибся – палатка, хоть и косоватая, стояла в указанном месте. И заключенный повеселел: начальство довольно.

– Как звать? – спросил Хоакин.

– Иоганн Вайс! – четко отрапортовал ноль-семь-девять-шесть.

– Пойдем. В палатке будет временный штаб.

Исполнительный Вайс засеменил следом. Он старался скорее из страха перед Моралесом. Но не выказывал излишнего почтения, надеясь пробиться в любимчики нового короля. Возможно, из него получится хороший ординарец. Пока его не стоит сбрасывать со счетов.

К вечеру часть второго склада разобрали. Команда Моравски, который с деловым видом метался вокруг фронта работ и безостановочно орал на тех, кто, по его мнению, работал медленно или неправильно, выстроила рядом с остатками склада целую стену из консервов и коробок с сухпайком.

Даже если предположить, что их эвакуируют отсюда, случится это неведомо когда. Хоакин прекрасно понимал, что землетрясение подобной силы не могло прицельно разрушить одну только «Африку». В сотне километров от тюрьмы начинались гражданские поселения – не Анклавы, конечно, но народу там жило немало. Должно быть, там произошло что-то подобное. Так что до «Африки» очередь дойдет не скоро. А до прибытия спасателей нужно как-то дотянуть.

«Или помощи не будет вовсе», – подумал Хоакин. Отчего-то ему казалось, что он здесь остался навсегда.

В любом случае, следовало не рассуждать, не распускать слюни, надеясь на мифических спасателей, а действовать.

Возле склада кого-то били. Моралес, сопровождаемый Вайсом, пошел разбираться. Ходить было тяжело – избитое тело ныло, он использовал винтовку как костыль.

Толпа уголовников – класс заключенных можно было понять по номерам на лбах и затылках – дружно колотила какого-то толстяка. Имени толстяка Моралес не помнил, его все называли Бублик. Зверское убийство четверых человек. Мотивы остались неясны. Огромный и сильный как медведь, Бублик не отличался умом, поэтому ход его мыслей проследить невозможно. Рядом валялись еще двое, один без сознания как минимум, сотрясение, второй орал благим матом, держась за выгнутую под неестественным углом руку. Перелом или вывих. Наверняка что-то не поделили с Бубликом. И как им удалось завалить этого здоровяка?

Нет, пока прекращать бойню не следовало – Бублик непредсказуем, поэтому представляет угрозу. Лучше, если его не станет. Время казней еще не пришло, но здесь уголовники справятся самостоятельно.

В разгоряченную толпу то и дело пытался вклиниться невысокий худой заключенный с коротким ежиком седых волос. Белая поросль на голове настолько контрастировала с загоревшей до черноты физиономией, что выглядела неестественно.

– Прекратите! – орал он. – Остановитесь, он же ничего не сделал!

Рядом с Моралесом тут же возник Моравски – он прочно вошел в роль начальника работ.

– Что произошло? – спросил Хоакин, продолжая спокойно смотреть на избиение. Из рта Бублика хлестала кровь, он пытался закрыть голову руками, но нападавших было слишком много.

– Сожрал две банки консервов, – сказал Моравски. – Эти двое, – показал на пострадавших от кулаков Бублика, – пытались его остановить.

Моралес кивнул и повернулся, собираясь уйти. Но его остановил пронзительный вопль второго заключенного, того, что пытался спасти Бублика. Один-три-семь-шесть, прочитал

Хоакин номер на затылке защитника. Звездецкий. Станный, непонятный тип. Было в нем что-то такое... Что-то необычное.

Звездецкий протиснулся сквозь толпу и лег на Бублика, закрыв его собственным телом. Закрыв часть Бублика – уж очень разные у них весовые категории. Теперь половина ударов приходилась Звездецкому по ребрам.

– Отставить! – рявкнул Моралес, и бойня плавно остановилась. Кто-то, отойдя, вернулся и еще раз с чувством пнул Бублика под ребра.

Хоакин наклонился к Звездецкому. Тот лежал на избитой туше бугая, плотно зажмурив глаза. Страшно ему.

– Ты откуда такой прискакал, помощник? – мягко спросил Моралес. Из-за напускной мягкости явственно проступала жестокость и отвращение, которое он испытывал к каждому заключенному. Наплевать на его человеческие качества – попал в «Африку», значит, ты больше не человек. – Мишка Гамми, что ли?

Разгоряченные дракой урки довольно заржали. Ну, посмейтесь, пока вам можно.

– Гамми, – растянув окровавленный рот в идиотской улыбке, пробасил Бублик.

Черт его знает, зачем Хоакин отпустил их. Просто повернулся и пошел прочь. А мишка Гамми с Бубликом быстро засеменяли в противоположном направлении. Их никто не тронул.

Когда стемнело, Моралес приказал всем собраться перед административной палаткой. Его палаткой – теперь он был царь и бог «Африки». Изможденные жарой, лишениями и работой, которой их нагрузил Хоакин, заключенные смотрели на своего предводителя, взобравшегося на кучу камней, чтобы его было видно всем. Глаза смотрели по-разному – безразлично, с надеждой, с ненавистью. Но в каждом взгляде Хоакин видел желание узнать, что будет завтра. Никто не хотел делать это завтра сам – им всем нужен главарь. Им требовался хозяин.

Моралес закончил речь, он охрип, стараясь придать голосу большую значительность. Но он сказал еще не все. Он не собирался скрывать своего мнения по поводу будущего. Их общего теперь будущего.

– Армагеддон закончился, мать вашу! – провозгласил он. – Добро пожаловать в ад!

7. Побережье Тюремного острова

Гамми шел, волоча ничего не чувствующие ноги по раскаленной каменистой почве. Солнце взошло уже часов пять назад, и утренняя прохлада стала давно забытым прошлым. Бублик бодро вышагивал рядом. Здоровяку все нипочем. Робот он, что ли?

Надежда Гамми добраться до берега к закату оказалась, мягко говоря, преувеличением. Море не показалось ни перед закатом, ни на восходе. Хотя бы солнце выползло из-за горизонта с нужной стороны – они не сбились с пути. Вообще-то море здесь было со всех сторон. Но сигнал нанокапсулы не вызывал сомнений, что нужно именно юго-восточное побережье. Расстояние нанокапсула не сообщала – неизвестно, сколько еще придется протопать по этой жаре. «Это как игра в горячо-холодно. Играл в детстве?» – так объяснил принцип действия датчика мужик, которого Звездецкий принял за дознавателя.

– Вода еще есть? – спросил он у Бублика, который нес все их пожитки.

Вода в пластиковой бутылке закончилась давно, еще до заката. Пополнить запасы оказалось негде, ни одного ключа найти по пути не удалось. До моря недалеко, но надежды на него никакой – здесь правила однозначные: чем ближе к морю, тем меньше вероятность найти пресную воду. Нет ее теперь здесь, вся вытекла в океан.

Бублик молча постучал рукой по канистре, висящей у него за спиной, – наполнить ее до краев не удалось. Нет, все-таки он тоже устал. Только вида не подает.

Гамми отвязал канистру от плеча спутника и наполнил свою «фляжку».

– Скоро дойдем, – обнадежил он товарища.

– Купаться будем?

– Обязательно искупнемся.

Тот факт, что идти нужно к берегу, Гамми совершенно не удивлял. С тех пор, как «Исправительное учреждение №123» обрело независимость, уединившись на острове, гостей можно было ждать только у моря. В высадку десанта на вертолетах в глубине их клочка суши верилось с трудом.

Когда внутри правого бедра что-то легонько заскребло, а потом начало подергивать – не больно, но вполне ощутимо, не перепутаешь, – он решил, что это ему приснилось. Была ночь, Бублик посапывал по соседству, раскинувшись прямо на полу их пещеры, и ни в какие нанокапсулы в этом каменном веке не верилось. Гамми встал, походил по неглубокому гроту, служащему им домом, вышел наружу.

Над головой алмазной россыпью висело звездное небо. Впервые Гамми заметил звезды недели через две после катастрофы. Пыль по большей части уже улеглась, а жизнь приобрела хотя бы видимость спокойствия, и можно было празднично поднять голову, на мгновение оказавшись во власти безделья. Красиво, но приелось. До Катастрофы он никогда не видел такого количества звезд. Даже здесь, в «Африке», прожекторы на территории тюрьмы не выключались ни на секунду.

Гамми посмотрел на звезды, потер ноющую правую ногу и вернулся обратно, зарывшись в ворох сухой травы, заменявшей ему постель. И только когда он понял, что никак не может уснуть, что он, собственно-то, не спит, а ногу продолжает подергивать, наконец стало ясно, что это включилась нанокапсула.

Самопроизвольное включение сложного устройства исключалось. Во всяком случае, его в этом заверил тот мужик, что устанавливал ее и проводил инструктаж.

Прошло два года! И все-таки она заработала. В это невозможно было поверить. Тот бред, что обещали те, кто отправил его сюда, в «Африку», в который он не верил, но страстно ждал, все-таки начал сбываться. Этим непременно нужно воспользоваться.

Следовало вести себя осторожно – он зачем-то им нужен, но зачем – неизвестно, и времена настали совершенно другие. Стоило продать свою жизнь подороже.

Из последних сил Гамми карабкался на пригорок. Черт, кажется, что они идут вверх уже километров десять. Должен же когда-то начаться спуск!

Ноги подгибались, но сигнал вроде бы становился сильнее. Они шли в верном направлении.

Наконец подъем закончился. Гамми поднял голову, грязной ладонью размазывая черные полосы по потному лицу, и тупо уставился на горизонт. Синяя гладь моря раскинулась прямо перед ними, прибой начинался внизу, до пляжа оставалось метров триста-четырееста, не больше.

Далеко, у самого горизонта, отчетливо виднелась жирная темная точка. Абсолютно инородный предмет на синей равнине моря. Корабль. Значит, он не ошибся. Значит, за ним прибыли. Наконец-то. Смущало одно обстоятельство – Гамми совершенно не понимал, чем мог заинтересовать тех людей.

Гамми был человеком практичным. Несмотря на природную доброту и, можно даже сказать, наивность, особых иллюзий на счет собственной судьбы он не питал. Он понимал, что спасти его никто не собирается. Зачем тогда здесь корабль? Вот это и нужно было узнать.

Не исключен вариант, что спрашивать назначенную им цену никто не станет. Но что-то подсказывало, что поторговаться удастся. Возможно, на это намекала возня, происходившая возле двух оранжевых катеров, стоящих на берегу, зарывшись носами в песок.

– Ложись, – шипя, словно змея, бросил он Бублику и сам рухнул ничком на горячую землю. Сзади ухнуло – Бублик старательно исполнил указание.

Внизу, около катеров прохаживались человек пять, все с оружием наперевес. Все бы ничего, но один из них – не узнать этого гада было невозможно – был Моралес. Что он здесь делал?! Или он заодно с прибывшими на корабле? Гамми не знал ответов на эти вопросы.

– Лежи и не шевелись, – прошептал он Бублику. Неизвестно, услышал ли здоровяк, но ползти следом не стал.

Гамми осторожно подкрался к верхушке холма, рассматривая происходящее внизу. Вот Моралес что-то листает, нахмурил лоб, тупая скотина, пытается найти знакомые буквы, не иначе. Вот еще трое головорезов. Вроде бы все из местных, «африканцы». На песке, мордами в землю, лежат трое, один рядом стоит на коленях. Черт, видно плохо, далеко очень. Руки подняты вверх, вертит головой. Скорее всего, отвечает на вопросы Моралеса, хотя тот даже не повернулся в его сторону. Из команды корабля? Моралес захватил их? Как он вообще попал сюда?!

Да, действительно, сцена внизу слишком смахивала на захват. Разумеется, те, с корабля, не ждали, что на пустынном берегу их будет кто-то ждать. Но ведь ждать их здесь должен был он, Гамми! Что-то не складывались куски головоломки – если эти люди из тех, кто установил Гамми нанокапсулу, то Моралесу вряд ли было бы по зубам их захватить.

Вот так и рушатся надежды. Не то чтобы Гамми очень уж стремился встретиться с тем, кто упек его в «Африку», приплывшим на корабле. Нет. Во встрече с ним тоже была масса неясностей и вопросов. Но это был шанс, пусть призрачный и ненадежный, но он был – шанс выбраться из этого дерьма.

«Чтобы попасть в еще большее дерьмо», – услужливо подсказал внутренний голос.

Человек, стоящий на коленях, вдруг опустил руки. Головорезы Моралеса тут же среагировали на несанкционированное движение, сам предводитель и ухом не повел. Вымуштровал скотов хорошо, нечего сказать. Три ствола уставились в грудь гостю, и его руки тут же взметнулись вверх, ладони человек выставил вперед, как бы говоря, что оружия у него нет.

Три ствола. Три? Черт!

Ноги Гамми заскребли по рассыпающейся в прах, смешанной с песком ссохшейся почве. Как он не заметил?! Их же было пятеро – Моралес и четверо бандитов. Четверо, а не трое!

Поздно трепыхаться.

– Стоять, – слышался тихий голос сверху. – Руки за голову.

Сзади засуетился Бублик. Он все равно не успеет – человек с оружием опередит его на несколько секунд.

– Бублик, ты бы полежал, – вежливо предложил бандит.

– Делай, как он говорит, – на всякий случай сказал товарищу Гамми.

Сзади затихло.

– Не зря босс все смотрел на этот холмик, – заявил их конвоир. – Как знал, что вы здесь появитесь.

Гамми промолчал, но про себя подумал, что Моралес, скорее всего, знал. Он ждал их. Иначе, чего его вообще сюда принесло.

– Вы тут что вообще делаете?

Бандит пнул Гамми ногой в ребра и, не дождавшись ответа на вопрос, приказал:

– Теперь медленно и плавно встаем. Руки держи вверху, чтобы я их хорошо видел. Ты, Бублик, пока лежи.

Гамми встал. Медленно, как ему было велено. Это был Садех, весьма никудышный ломщик, который в свое время загремел в «Африку», так и не успев побыть тритоном. А тут – иди ж ты, личная охрана «короля».

– Привет, Садех, – поздоровался Гамми.

– Здорово. Руки на затылок положи. А теперь отойди вон туда. Все, стой, жди нас. Бублик, теперь твоя очередь.

Здоровяк нехотя поднялся. Его маленькие, глубоко посаженные глазки зло шурились на Садеха, будто он пытался испепелить бандита взглядом.

– Так, все-таки, Гамми, кой черт вас сюда принес?

– Искупаться пришли, – ответил ему пленник. Садех ему был неинтересен, от него сбежать не получится – автоматический карабин в руках охранника Моралеса стреляет быстро и далеко. Гамми разглядывал то, что происходило на берегу, пытаясь понять расстановку сил.

– Бублик, ты чего приплелся сюда? – конвоир попытался выяснить правду у недоразвитого увальня.

– Дык, купаться хотели, – честно ответил тот. – Гамми же тебе сказал.

Садех тяжело вздохнул, а Гамми усмехнулся. А что ты хотел, родной?

– Вперед, пошли, – скомандовал Садех. – Только без выкрутасов. Идем ровно и не дергаемся.

Склон, ведущий к морю, оказался довольно крутым. Но, к сожалению Гамми, это был не песок, осыпавшийся при каждом шаге, а плотная ссохшаяся земля, поросшая редкой и чахлой травкой. Ждать, что Садех, потеряв равновесие, рано или поздно утратит контроль над своими пленниками, не приходилось. Кроме того, бандит благоразумно поставил Бублика первым, так, чтобы на пути к нему здоровяку пришлось бы обогнуть Гамми.

Моралес так и не сменил позу, продолжая стоять, опершись задницей на борт катера. В левой руке он держал какие-то документы, скорее всего, удостоверения захваченных в плен моряков. В опущенной вниз правой – чернел «дыродел».

Когда Садех с пленниками подошел к катерам на расстояние метров пяти, Моралес, не поворачивая головы, неспешно поднял руку с «дыроделом» и дважды нажал на курок. Мерный шум прибоя расколол грохот выстрела, чайки, копошившиеся в прибрежном мусоре, резко взмыли в небо, а Бублик с двумя багровыми кругами на груди медленно осел на землю. Раны казались огромными – кровь толчками вырывалась из рваных дыр, заливая затертую арестантскую робу.

– За что?! – вырвалось у Гамми. Он не собирался ничего говорить Моралесу, тем более по этому поводу, но слова вырвались сами – он привык к Бублику за эти годы, мир праху его.

Моралес наконец отклеился от катера, его брови взлетели вверх в удивлении.

– А ты не знаешь? Заключенный номер ноль-шесть-семь-два осужден за зверское убийство четырех человек, – продекламировал он. – Он их разорвал голыми руками. На части разорвал. Это не метафора, разорвал живых людей, потому что они мешали ему обчистить какую-то мелкую лавку. А ты спрашиваешь – за что. Вот теперь он исправился. Уберите *это* отсюда, – приказал он своим головорезам.

– А вот ты, Гамми, наверное, еще пригодишься, – продолжил разговор Моралес. – И уж постарайся меня не разочаровать, не сделаться бесполезным балластом.

8. В то же время в том же месте

Их повязали, как слепых щенят. Просто пришли и взяли тепленьких. Али, сидевший в охранении, получил прикладом по затылку. Даже пикнуть не успел, свалился мешком на песок. Остальных растолкали, сразу дав понять, что ружья и «дыродел» заряжены, и шутить с оружием никто не намерен.

Вдвойне обидно, когда тебя держат на прицеле пятеро отощавших доходяг, припершихся незнамо откуда с допотопным оружием, а в катере, стоящем всего в десятке метров, лежит «ревун», способный разнести эту непонятную свору в мелкорубленный фарш. Не ожидали они здесь никого встретить, берег казался пустынным. Вот и расслабились.

Предводителем у шайки бандитов был невысокий коренастый мужчина, самый крепкий на вид. Волосы – желтый жесткий, словно щетка, ежик – пострижены не ровно, будто их не стригли, а обрезали ножом. Может, так оно и было. Затертая выцветшая майка, пыльные, местами порванные джинсы и довольно хорошие, но тоже очень пыльные ботинки армейского образца. И «дыродел» в руках. Оружием главарь владел уверенно. Он не целился без нужды, не размахивал пистолетом, стараясь произвести максимум театрального эффекта. Его движения были сдержанны и аккуратны – ничего лишнего. Поднял руку, нажал на курок – мертвое тело здоровяка, пришедшего пять минут назад из пустыни, с глухим стуком шлепнулось на землю – и опустил оружие. Он «дыроделом» пользовался, а не играл им.

Лицо главаря, хмурое, желваки непрестанно перекатываются, выражало такое внутреннее напряжение, что можно было смело записывать его в потенциальные язвенники.

Куцев немного приподнял голову и смотрел. Смерть вновь прибывшего бугая его не тронула – он не знал, кто эти люди, что они здесь делают. Ему было глубоко наплевать на их внутренние разборки. За свою жизнь Куцев повидал много смертей, вспоминать об этом не хотелось, но... Одной больше, одной меньше – что это меняло?

– Зачем вы пришвартовались здесь? – спросил главарь. Остальные бандиты называли его «босс» или «Моралес». Второе, видимо, было именем.

Мустафа стоял на коленях с поднятыми руками. Моралес стоял напротив, облокотившись о борт катера, и смотрел куда-то вдаль, в пустыню, так и ни разу не повернув головы в сторону капитана.

– Потек реактор, – объяснял Мустафа. – На судне растет радиация, двигатель не работает.

– Почему не дали SOS?

Интересно, он издевается или и впрямь не понимает причины?

Хопкинс-Джани вздохнул. Он уже пытался объяснить Моралесу, еще до того, как появились эти двое из пустыни.

– Там стоит танкер, груженный нефтью, – сказал он.

При слове «нефть» главарь не выказал никакой реакции. Он что же, не понимает, какое богатство вдруг свалилось к нему с неба? Да нет, на дурака он, вроде бы не похож.

– А здесь – Африка, – столь же коротко привел свой резон Моралес.

И тут Куцев наконец понял, в чем дело. Ну, конечно же! Африка! Вернее, не просто Африка: «Африка», страшная тюрьма, куда отправлялись особо провинившиеся перед Анклавами. Как он сразу не заметил – у всех на лбах красовались четкие, хоть и плохо различимые из-за крайней загорелости кожи, татуировки с четырехзначным числом – личный номер заключенного – и штрихкодом. Ярлыка не было только у Моралеса. Он из работников тюрьмы? Тогда, как остался жив?

По всему выходило, что с местом швартовки они ошиблись. Хотя выбирать не приходилось. Виктор об «Африке» знал мало, гражданам государств не грозила перспектива закончить здесь свои дни. У государств хватало собственных страшилок. Но «Африка» располагалась

в пустынном, окруженном старыми особо никому не нужными карьерами месте. До городов, которые надеялись найти застрявшие здесь моряки, было далеко.

Куцев подумал, о том, что эти люди жили в здешних суровых краях почти два года. Без снабжения, не зная ничего о том, что случилось в мире. Как же они выжили? Виктор понял, что знать эти подробности ему совершенно не хочется.

– Ваш танкер может уйти отсюда? – спросил Моралес. Скорее всего, он сам понимал, что вопрос бессмысленный. Но Куцев видел: каждое движение главаря, каждый жест и интонация говорили об одном – Моралес был готов на все, лишь бы выбраться из пустыни.

– Нет, – коротко ответил Мустафа.

И так было ясно, что при возможности иного ответа капитана делать им здесь, на берегу, нечего.

– Возможность ремонта?

– Реактор заглушен. Полностью. Других источников энергии на судне нет.

– А нефть?

– Нефть есть, – с ехидцей ответил капитан, – но нет дизеля. Электродвигатели на нефти не заработают, сколько бы она ни стоила.

Моралес несколько секунд пожевал растрескавшуюся иссушенную нижнюю губу и позвал одного из бандитов:

– Ты и Садех, возьмите катер и проверьте танкер. Может, капитан врет, и ремонт возможен.

– Он разбирается в реакторах? – подал голос Куцев, приподнявшись на руках.

Трудно сказать, зачем он полез в разговор. Запросто мог бы получить пулю.

Моралес повернулся и молча посмотрел в глаза инженеру. Под этим колким и холодным, несмотря на долгое пребывание на самом жарком континенте, взглядом хотелось съежиться и исчезнуть. А лучше бы – вообще никогда не попадать под него. Но деться Куцеву было некуда, и он выдержал, не отвел взгляд.

Жесткий сильный удар опрокинул Куцева на спину. Инженер не успел понять, что произошло. Лицо онемело, под глазом наливался синяк.

– Реактор можно починить? – ровным голосом, словно ведя светскую беседу, спросил Моралес.

Куцев потер ушибленное лицо и отрицательно помотал головой. Ну, кто тянул его за язык?!

Главарь банды присел, вытянул вперед правую руку, держащую «дыродел», оперев теплый еще ствол Куцеву в лоб.

– Ты можешь починить реактор? – на этот раз он решил перефразировать вопрос, сделав ударение на личности инженера.

– Нет, – прохрипел Куцев. – Реактор остановлен. Запущена активная защита...

Очередной удар, теперь в зубы стволом, снова свалил инженера на спину. Куцев пощупал языком во рту – губы разбиты, но зубы целели.

– Запущена активная защита реактора, – повторил Куцев. Говорить стало трудно и больно. – Состояние необратимое. Единственный вариант – повторная загрузка ядерным топливом и перезапуск системы. Это возможно только на верфи.

– Хорошо. Допустим, ты не врешь, – быстрым, почти неуловимым движением Моралес повернул «дыродел», прогремел выстрел, после чего горячий ствол пистолета снова уперся Куцеву в лоб, выжигая на коже аккуратненький кругляш.

Справа послышался стон Мартина – лицо штурмана перекосилось, он сжимал левой рукой правую. Из-под пальцев капала кровь. Один из уголовников тут же упер ствол винтовки в затылок Крайса.

– Допустим, – повторил Моралес.

Чего он, черт возьми, добивается?! Внутри у Виктора все кипело. Но, отбросив эмоции, позиция Моралеса вполне объяснима – он жаждет убраться из Африки. И когда видишь перед собой огромный корабль, способный увезти отсюда не только людей, но и прихватить весь скарб, невольно здравый смысл начинает уступать место иррациональным желаниям. Он ведь на самом деле никак не мог проверить слова Куцева – никто из бандитов не разбирается в ядерных установках. Поэтому оставался простой, проверенный тысячами лет метод: пытки.

Куцеву сделалось нехорошо. Как убедить Моралеса, что ситуация с реактором – правда?

Дурная мысль пришла в голову Виктору – уж лучше бы дали в эфир SOS. Все ж понятно, за что головы сложили бы. А так, погибнуть от рук ополоумевших уголовников...

Но Моралес прекратил допрос. То ли на самом деле поверил, то ли ему надоело.

– Что вы собирались делать здесь? – Вопрос главаря бандитской шайки адресовался Мустафе. Куцев с Крайсом его больше не интересовали.

– Искать спасения, – неуверенно ответил капитан. Он, как и остальные члены команды, до конца не знал, зачем они прибыли сюда, понял Куцев. Просто уплыли со ставшего опасным танкера.

Стоявшие немного поодаль бандиты заржали. Наверное, это было действительно смешно – искать спасения у застрявших здесь пару лет назад людей.

– Здесь нет спасения, – сказал главарь и отошел к своим. Слова Моралеса прозвучали зловеще, как мрачное предсказание.

– У вас есть лодки, – сказал Моралес, когда вернулся. – На сколько хватит батарей Ллейтона?

– Миль на сто двадцать, при условии, что вторая шлюпка на буксире.

– Нам не нужны две лодки. Сколько человек может взять на борт катер? – спросил главарь и уточнил: – Один катер.

– Без перегруза – восемь. Если перегрузить шлюпку, запас хода сильно уменьшится.

– Восемь так восемь, – пробормотал Моралес.

То, что он сделал дальше, Куцева привело в состояние задумчивого ступора. Нет, он вполне ожидал от бандита чего-то подобного. Лишние были не нужны. В конце концов, зачем Моралесу нужен экипаж танкера?

Но Моралес удивил всех. Согласившись с числом пассажиров, предложенным Мустафой, он повернулся и от бедра сделал пару выстрелов точно в цель: двое уголовников, явно не ожидавших такого подвоха, рухнули на песок с дырками в левой части груди.

– Тащите батареи из второго катера сюда, – приказал он оставшимся в живых бандитам. – Гамми, лезь в катер, с тобой потом разберемся, – эта фраза адресовалась пришедшему вместе с убитым здоровяком тощему, как жердь, человеку с длинными седыми волосами.

– Надеюсь, через пролив переберемся, – пробормотал Моралес себе под нос.

– Пролив? – удивился переставший уже ныть штурман. Судя по всему, кость не задета, и рана была не опасной: рукой Мартин шевелил.

– Это, – Моралес громко топнул, – остров.

9. Открытое море. Кенийский архипелаг

Мотор приятно гудел. Звуки из прошлого мира. Даже осознание факта, что батареей хватит ненадолго и зарядить их негде, не убивало блаженства, подаренного звуками цивилизации. Мир не умер, он существовал. Где-то далеко. Суждено ли снова вернуться в привычную жизнь, в мир, где работает сеть, где не нужно вырывать каждый день жизни из ненасытных лап пустыни, которая денно и ночью стремится убить тебя?

Моралес смотрел на море, на брызги, вылетающие из-под задранного носа катера. Увидит ли он еще раз мир таким, каким помнил его? Или того мира больше не существует? Хоакин провел мокрой рукой по затылку – в гнезде стояла арестантская заглушка. Он уже и не помнил, куда девал свою «балалайку». Эта вещь, казавшаяся настолько нужной и само собой разумеющейся, будто была дана человеку от рождения, вдруг сделалась совершенно лишней. Когда он вставил в гнездо заглушку? И почему? Моралес не помнил.

Суждено вернуться назад... Чем больше Хоакин задумывался над этим, тем больше понимал, что не знает, хочет ли он возвращаться. Нужно ли ему это. Кем он будет там, в разрушенном, пришедшем в упадок мире? От моряков с танкера он узнал, что катаклизмы, подобные здешнему, произошли по всему земному шару. Целые города и Анклавы перестали существовать, что-то разрушено землетрясением, что-то смыло в море. Где-то рванули реакторы на АЭС, и теперь огромные территории, подвергшиеся радиоактивному заражению, не пригодны для жизни. Мир рухнул в хаос, судьба самой цивилизации повисла на волоске.

Так стоило ли менять этот жестокий, но понятный и известный ему мир на то безумие, что охватило планету? Хоакин устал, очень устал. Он пытался найти путь к спасению тогда, полтора года назад. Из найденного в развалинах хлама они соорудили два плота, на которых восемь отобранных лично Хоакином преданных людей отправились в море. На поиски большой земли. Через две недели волны прибили к берегу обломки – пустые пластиковые канистры, перевязанные синтетическим шнуром. Тот самый хлам, из которого делали плоты. Стало ясно – на том, что они могут сделать, отсюда не выбраться. Но выбраться из пустынного пекла Хоакину очень хотелось. Да просто принять нормальный душ с нормальным мылом – хотелось до безумия. Но что потом? После, так сказать, душа?

– Босс, – позвал Садех, – закончилась третья батарея. Земли не видно.

– У нас еще достаточно энергии. Меняйте.

Моралес отвечал в привычной манере, не глядя на собеседника. Со стороны могло показаться, что он так глубоко погружен в собственные мысли, что ничего вокруг не видит и не слышит. Но это впечатление было обманчивым: за годы, проведенные в «Африке», не только после катастрофы, он научился слушать и слышать все вокруг. Любой упущенный им звук, каждое слово, сказанное заключенным кому-то на ухо, могло стоить ему жизни. Особенно сейчас, когда он занял неделимый пост хозяина «Африки».

Желающие разделить с ним бразды правления были. Появлялись неоднократно. Но никто из них не дожил до сегодняшнего дня. И ни один не был убит Моралесом лично, в ходе открытого конфликта – кара настигала грешников незаметно, все случалось как бы само собой. Хоакин улыбнулся, вспомнив о том, как после страшной смерти Моравски, который подвернул ногу на охоте и сдох в пустыне от жажды и жары, по «Африке» поползли слухи, что босс способен напустить порчу на зарвавшегося смутьяна.

Моравски в тот день ушел на охоту во главе группы из пяти человек. Они охотились вместе, выслеживая и загоняя зверя – каким-то чудом на Тюремном острове все еще сохранилось небольшое количество косуль и крупных птиц. Но заключенный шесть-два-семь-семь неожиданно исчез. Его искали. До тех пор, пока не закончилась вода и не подошло время к закату – темнота Тюремного острова таила свои опасности. На открытой местности – три дерева на

квадратный километр – Моравски найти не смогли. А через два дня, буквально в паре километров от «Африки», обнаружили его труп со сломанной лодыжкой. Как его могли не заметить? Об этом знал только Моралес.

Чтобы действовать на расстоянии, подобно духам и богам, совсем необязательно обладать сверхъестественными способностями. Важно замечать мелочи, происходящие вокруг, и уметь дать людям то, чего они хотят. А то, что на следующий день в карьер упал один из охотников, ходивших в пустыню под началом Моравски – так туда чуть не каждый день кто-нибудь падает.

Хоакин смотрел на синюю гладь океана и слушал гудение мотора. Но он слышал и все, что происходило на катере. Он понимал, что, застрелив Крайтона и Холленберга, подставляет себя под удар. Его боятся, ему доверяют. Но он убил своих и здесь – один против двух вооруженных бандитов. И Гамми. Хотя насчет Гамми Моралес сомневался – вряд ли тот станет принимать участие в бунте. Он не дурак и понимает, что мятеж ему ничего не даст. Только шанс получить пулю в сердце из «дыродела», с которым Хоакин не расставался ни на секунду.

Садах и Штрайх ничего подозрительного не говорили и не шептались – тренированное ухо Моралеса тут же вычленило бы из сонма звуков тот, что нес угрозу. Но во всем – во взглядах, в движениях, в том, как держали оружие, – Хоакин чувствовал, что они готовятся. Собираются с духом, чтобы бросить вызов боссу. Королю и хозяину. Разве трудно пристрелить расслабившегося и засмотревшегося на воду человека? Совсем нет. Так, наверное, думали бывшие заключенные. Но они ошибались. Во всяком случае, насчет Моралеса.

Интересно, кто окажется смелее, кто первым предложит убить хозяина? Уголки губ Моралеса едва заметно приподнялись – ему было весело, он играл в жертву, будучи на самом деле охотником. Садах или Штрайх. Заключенные, преступники. Они не имели права на спасение. И Хоакин совсем не намеревался спасать их. Но пока шлюпка не достигнет берегов Африки, настоящей Африки, а не этого никчемного острова, он будет наслаждаться душевными муками своих подопечных. Грязные твари – вы ведь даже убить просто так не сможете, будете трястись за собственные шкуры до последнего, а потом перегрызете глотки друг другу, боясь прорешивить на дележке пустого места короля.

И оставался еще Гамми. Сергей Звездецкий. Зачем Хоакин взял его с собой? Он не знал ответа на этот вопрос. Что-то внутри, что-то непонятное, что не умело думать, а лишь выдавало иногда совершенно нелогичные на первый взгляд, иногда даже глупые решения и настойчиво требовало их выполнения, настаивало, что к Гамми стоит присмотреться. Это чувство сидело глубоко внутри. Моралес не вспомнил ни одного эпизода, когда таинственный внутренний голос подвел бы его. Нет, такого не случилось.

И ведь на берег Хоакин пришел именно за ним. Гамми никогда не унижался, не просил ничего у Моралеса. В отличие от остальных, кто решил жить самостоятельно в пустыне. Большинство, те, кто не подох там от жары, вернулись под начало ненавистного босса. Но только не Гамми. А тут вдруг решил поклянчить канистру с водой. Понятно, что для дальнего похода. Только вот зачем он поплелся к морю? Он знал о танкере? Нет, не зря Хоакин решил следить за Звездецким.

Поэтому, когда он увидел Бублика и Гамми, конвоируемых Садахом, решение пришло само собой. Оно казалось единственно верным и не требовало доказательств своей правоты. Бублик давно раздражал Моралеса, еще со времен, когда их «Африка» была настоящей тюрьмой со стенами и камерами. Хотя, какая из них более настоящая – прошлая или нынешняя, – это вопрос.

Не любил он идиотов. А идиоты, убившие людей, вообще права на жизнь не имели. Даже в «Африке». Поэтому в тупого бугая Моралес выстрелили без тени сожаления, с некоторым даже удовольствием.

А вот с Гамми нужно познакомиться поближе. У него была возможность сделать это и не раз, но до нынешнего момента его безотказная интуиция не настаивала на этом столь уж серьезно – просто этот тип был непонятен.

До берега плыть далеко. Наверное. Здесь, в Африке, все «наверное». О чем ни задумаешься, ничего не известно точно. И так теперь по всему миру, если верить морякам. Наверное.

С начала их вояжа Гамми присел на корме, подтянув тощие ноги ко впалому животу и обхватив колени руками. Голову опустил вниз, изредка озираясь по сторонам. Скорее с простым любопытством. Не похоже, чтобы он ждал чего-то конкретного.

– Пойдем, посидим в кубрике, – сказал ему, поднимаясь на ноги, Моралес.

Гамми удивленно вскинул брови, но молча встал и, хватаясь за все подряд, чтобы не упасть от легкой качки, пошел следом за надзирателем.

Хоакин выгнал из кубрика расположившегося там с комфортом Штрайха и закрыл дверцу, ведущую на палубу. Или ее правильнее называть люком? Теперь они были в относительной уединенности. Учитывая шум мотора и плеск волн, снаружи их вряд ли услышат.

– Садись, – сказал Моралес, плюхнувшись на небольшой жесткий диванчик, тянущийся по левому борту катера. Справа был точно такой же. Он именно сказал, а не предложил. Вариант отказа не предусматривался.

Гамми плюхнулся на сиденье, явственно послышался удар костлявой задницы о плотный полиуретан.

– Звездецкий, Сергей Аполлинарьевич, – произнес Моралес, старательно разглядывая царапки на пластиковой отделке помещения. – Заключенный номер...

– Один-три-семь-шесть, – хмуро перебил его Гамми.

Хоакин повернулся к нему, пристально всмотрелся в глаза.

– Правильно, – почти прошипел он. – Осужден, между прочим, за хранение. Только хранение, запас мизерный.

– Так точно. – Энтузиазма в голосе заключенного не было. Взгляд Гамми потух, он опустил глаза, стараясь не встречаться с застывшими ледяными радужками Моралеса.

– Для себя берег?

Гамми скривил губы, бросил мимолетный взгляд на Хоакина и снова отвернулся. Резко, будто обжегся. Моралес едва заметно улыбнулся – ему не нравилось, что заключенный не смотрит ему в глаза, но доставляло удовольствие видеть, как ему неприятно, как страшно. Давай, добрый мишка, надувай себе в штаны!

– Что же тебя не ломает? Или ты у нас стойкий, мать твою. Всем одной дозы достаточно, а ты у нас синдин на завтрак, обед и ужин жрешь, а как наркота закончится – водичкой перебиваешься?

Гамми не отвечал. Он ерзал на неудобном диване, стараясь понадежней спрятаться от взгляда надзирателя.

– Молчишь, сволочь? – Хоакин схватил заключенного за подбородок, резко развернув его лицо к себе. – В глаза смотреть! – прошипел он. – В глаза, я сказал! А молчишь ты, гнида, потому, что не для себя хранил мутаборское зелье. Для других старался, карман свой набивал. А синдин убивает. Или ты не в курсе был?! А? Отвечай, мать твою!

С заключенным произошла какая-то непонятная метаморфоза. Моралес не мог уловить, что изменилось в его облике, но он определенно стал выглядеть иначе. Звездецкий дернулся, вырвав подбородок из железного захвата Моралеса, потер вмятины, оставшиеся от пальцев, и недовольно вздохнул.

Хоакин готов был удушить его за такую дерзость. И если бы Гамми позволил себе подобное в присутствии хотя бы еще одного ублюдка из обитателей «Африки», удушил бы однозначно. Но сейчас он хотел знать. Он сам не понимал – что. Только чем дальше он думал об этом, тем больше доверял своему внутреннему голосу.

– Чего тебе от меня надо, Моралес? – с вызовом, вскинув голову, спросил Гамми.

Как он правильно сделал, что дал Звездецкому уйти. Не оставил его в лагере. Вот этот изможденный голодом патлатый недомерок мог составить Хоакину конкуренцию. Мог, но не стал. Он выбрал свой путь.

Можно было убить его. Но Хоакин не убивал просто так, без повода – это могло подорвать его авторитет. Он был деспотом, но деспотом справедливым.

Во взгляде Гамми не было и тени страха. Минуту назад он ошибся, приняв отвращение за страх. Опасение – да, было, любой нормальный человек, да и зверь тоже, опасается за свою жизнь.

Хоакин не спеша вытащил из-за пояса «дыродел» и демонстративно медленно щелкнул предохранителем. Гамми едва заметно вздрогнул в такт щелчку. Все-таки тебе, сволочь, жалко шкурки своей подпорченной. Сейчас ты мне все расскажешь.

– Мне надо знать, кто тебя прикрыл, – какой смысл юлить и говорить намеками? – Почему тебя прикрыли и что ты им за это пообещал. Расскажешь?

«Дыродел» с глухим стуком лег на жесткое сиденье рядом с бедром, Моралес скрестил руки на груди.

– И еще мне интересно, что ты делал на берегу?

Гамми покосился на оружие, отодвинулся в дальний угол кубрика и принял более расслабленную позу.

– Никто меня не прикрывал, – ответил он на первый вопрос.

– Ты знаешь, я бы мог поверить тебе, если бы не одно «но» – ты не наркоман. И никогда им не был. А уж я перевидал этих сморчков на своем веку. Пойми, Гамми, мы уже не в «Африке», мы пытаемся сбежать оттуда. И ты, и я. Мы должны быть заодно.

– Послушай, Моралес, ты вообще нормальный? Ты сам понимаешь, что говоришь: меня прикрывали. Если бы меня кто-то прикрывал, чего бы я гнил здесь вместе с тобой на этом гребаном острове? Ты не задавал себе такой вопрос? Чего ты вообще ко мне прицепился? Ты верно заметил, что мы уже не в «Африке», так что бросай свои африканские привычки.

«А может, он хочет, чтобы я его застрелил? – подумал Хоакин. – Тоскует по своему идиоту?» Да нет, вряд ли. Здесь кроется что-то другое. Но и в словах Гамми резон был. Неужели внутренний голос ошибся? Быть того не может. Моралес еще раз внимательно взглянул в лицо Звездецкого – нет, в нем определенно что-то изменилось. Взгляд? Вроде бы нет. Все на месте, но выглядеть Гамми стал как-то иначе.

Хоакин никогда не нервничал по поводу того, что придется проучить очередного проходимца. Со стороны могло показаться, что надзиратель впадал в неистовство, зверел на глазах. Кто-нибудь, не знавший Моралеса, мог решить, что он повредился рассудком. Но шоу он показывал только для устрашения, для усугубления, так сказать, исправительного эффекта. Никакого особенного возбуждения, как любили изобразить писатели в книгах о надзирателях-маньяках, никакого удовольствия от проделанной работы он не испытывал. Именно работы – и ничего большего.

Стремительным движением натренированная долгими годами рука выдернула из петли на поясе резиновую дубинку. В следующее мгновение орудие летело в пасть наглецу. Хоакин уже слышал, как зубы этого мозгляка с хрустом крушатся, проваливаясь в черную пропасть поганого рта, что посмел противоречить надзирателю. Но тут произошло нечто непредвиденное – зубов не оказалось там, где они должны были быть. Собственно, рука Моралеса не встретила вообще никакого препятствия. Дубинка провалилась в пустоту, Хоакина понесло следом, и жесткая резина с сухим стуком раздробила тонкую пластиковую панель на стене.

Быстро, почти мгновенно, Моралес перенес центр тяжести на левую руку, которой он теперь опирался о диванчик Звездецкого, повернулся вправо и, не размахиваясь, вонзил ору-

жие в то место, где только что сидел заключенный. И снова рука Моралеса провалилась в пустоту.

Как он это делает?! Какое он имел право улизнуть из-под удара надзирателя?! Только Хоакин больше не надзиратель и здесь, как он только что сам заметил, не «Африка».

В дверь с палубы постучали.

– Босс, у вас там все в порядке? – послышался приглушенный переборкой голос Садеха.

Моралес резко дернул дверь на себя, дал дубинкой по зубам ничего не понимающему подчиненному и только тогда ответил:

– Полный!

Вот теперь он на самом деле был зол и взбешен. Хотелось раскроить череп этому придурку с карабином, но Садех еще понадобится.

Надзиратель посмотрел на избитого заключенного. Тот зажимал рукой разбитый рот, в глазах застыли страх и непонимание.

– Никогда, слышишь – никогда! – не лезь, куда тебя не звали! – заорал на него Хоакин. Садех покорно кивнул и отошел на несколько шагов к корме.

Испуганные моряки сидели там, прижавшись друг к другу. Трое – капитан был наверху, управлял катером. Волноваться о правильном направлении не стоило – правильного никто не знал, а капитан был заинтересован добраться до большой земли не меньше «африканцев».

Чуть поодаль от пленников, метрах в полутора к носу, сидел Штрайх, демонстративно направив «дрель» в сторону подопечных. Охрана, мать их! Эти морячки, если захотят, скрутят Штрайха в два счета, он и на курок нажать не успеет.

– Вытащи Гамми оттуда, – сказал он Садеху, – и...

Да нет, в расход пускать его рано. Он ведь так ничего и не рассказал. Черт, правильно сказал – здесь не «Африка», здесь он на чужой территории, хоть видимость власти и сохраняется. Пока сохраняется.

– ...отправь его к этим, – более мягким тоном произнес Моралес, кивнув в сторону моряков.

– Я с ним попозже поговорю, – пробормотал он себе под нос. Скорее для собственного успокоения, в глазах заключенных его авторитет, похоже, уже не поднять.

Гамми, щурясь от яркого солнца после сумрака кубрика, выполз на палубу и тут же получил тычок прикладом под ребра. Крякнул и согнулся пополам. От удара Садеха он не уклонился. Моралес посмотрел на корчащегося Звездецкого, вид у того был несколько ошарашенный.

Ну, конечно, Садех шавка, зачем его раздражать, это неинтересно. А вот Моралес – достойный противник. А пулю в лоб ты получить не боишься?

Хоакин решил, что расспросит Гамми попозже. Он так настойчиво убеждал в этом самого себя, что почти поверил, почти перестал думать, что ему стало не по себе от того, что минуту назад проделал в кубрике Звездецкий. Моралес чувствовал, что бессилён заставить его говорить, Гамми он мог только убить. Но и в этом тоже появились сомнения – странные, иррациональные сомнения. И получить пулю Звездецкий определенно не боялся.

– Вижу землю! – раздался хриплый крик раненого штурмана.

10. Три года назад. Ноябрь. Анклав Москва

Странное ощущение – вроде бы дышишь, а воздуха не хватает. Мордovorот с невероятно типичными чертами лица, которые забудутся сразу, как только исчезнут из поля зрения, вытащил руку из живота Звездецкого. Наверное, он, если бы захотел, мог бы переломить позвоночник ударом в живот. Но в этот раз не хотел – кулак исчез в мягком, дыхание сперло, но пояснице больно не было.

Странно, но больно не было вообще.

Звездецкий конвульсивно хватал ртом воздух, но это не приносило облегчения – как будто вокруг него образовался вакуум.

– Ты понял? Никого ты здесь не удивишь своими подвигами, – произнес тот тип, что бил.

Кого он стремился удивить? Звездецкий не понимал, что происходит. Легкие наконец наполнились воздухом, и в голове перестало гудеть. Больше всего настораживало отсутствие боли. Полное, словно его не били, а поглаживали. Да и поглаживания – что-то же он должен был чувствовать.

Но не чувствовал.

Он осторожно ощупал языком – губы разбиты, явственно ощущалось соленое. Правый глаз открывался плохо, будто веку что-то мешало, не иначе наливающийся синяк. Но ничего не болело.

Другой на его месте радовался бы. Но... Не чувствовать боль было неприятно. Это было непривычно и беспокоило.

– Что вам нужно? – немного шепелявя разбитыми губами, спросил Звездецкий.

– Кому ты отдал активатор? – мягко спросил новый голос.

Оказывается, комната была несколько больше, чем показалось сначала. Звездецкий осмотрелся – плотная, почти непроницаемая темнота окутывала его со всех сторон. Он сам сидел в большом и довольно удобном кресле. Позу можно было бы считать комфортной, если бы не пристегнутые металлическими скобами к подлокотникам руки. Кресло и пару метров вокруг освещал сноп яркого желтого света. Внутри этого круга стоял тот мордovorот. Движения бугая были аккуратны и выверенны, но бросалось в глаза, что руки у него явно чешутся врезать Звездецкому еще.

А голос, спросивший про ключ, принадлежал мужчине субтильного телосложения, лицо которого рассмотреть было невозможно – он прятался за пределами освещенной зоны.

– Активатор? – Непонимание Звездецкого было искренним.

– Он самый, – нетерпеливо повторил силуэт в темноте. – Перестань ломать комедию.

Стало быть, они думают, что таинственный активатор у него был. Только он эту штуку и в руках не держал. Нужно ли разочаровывать этих людей, говорить, что они ошиблись? Наверное, нет – все равно не поверят.

– Не знаю, – пробормотал узник и тут же поправился, более громко: – Не помню.

На его нос обрушился кулак бугая. Словно с автобусом встретился. Судя по всему, из ноздрей потекло. Точно – язык опять чувствовал соленое. Хоть вкус различает. И никакой боли. Звездецкий осторожно пошевелил верхней губой из стороны в сторону. Внутри носа что-то тихонько хрустело: не иначе сломал, скотина, косточки. Весь интерфейс испортил.

– Вспомнил? – требовательно поинтересовался мужчина из темноты.

Звездецкий на несколько секунд замер. Ясно, что результат будет одинаков: молчать или честно ответить, что не вспомнил – снова начнут бить. Посчитал про себя до десяти, зажмурившись для проформы, и отрицательно помотал головой.

Выиграл десять секунд спокойствия. Предчувствия не обманули, очередной сокрушительный удар под дых снова лишил легкие способности засасывать воздух.

– Ты знаешь, что Ерохин нашел при обыске у тебя дома синдин?

Ерохин? Синдин? О чем говорит этот человек?

Какие-то странные образы возникали в голове. Что-то знакомое. Синдин...

– Слушай, Серый, у меня есть работенка непыльная. Как раз для тебя, – говорил толстяк, обливаясь потом. Холодно, осень уже, а он потеет. Толстяк, одним словом.

– Я ведь детский редактор, – ухмыльнулся Звездецкий, заранее зная, что тот предложит...

Толстяк, рожа все время потная, постоянно вытирается платочком, явно слишком маленьким для его поросычьего рыла. Толстые, как соевые сардельки, пальцы все время в движении. Он постоянно что-то ищет. И беспрерывно оглядывается.

Толстяк... Леха его зовут, точно.

...зная, что предложит Леха.

– Ну, ты же у нас человек известный. Тебе в редакцию не пацанва всякая пишет. Богема, – Леха многозначительно поднял указательный палец.

– Какой процент?

– Натурпродукт, – невпопад ответил толстяк, продолжая рекламу. – Лучшее качество.

Ну, ты меня знаешь.

Звездецкий ждал, не сводя взгляда с Лехи.

– Десять, – буркнул тот и тут же, загоревшись, затараторил: – Лучшие условия в Москве.

Какие люди, ты себе не представляешь, какие люди! Ты же...

– Двадцать, – перебил его Звездецкий.

Толстяк на секунду затих.

– Серый, ну, ты это, не налей. Кто тебе даст столько?

– Тот, кто поставляет товар.

Толстяк мялся, не решаясь.

– И три процента – тебе, – предложил Звездецкий.

– Грабитель!

Сергей пожал плечами. Мол, как знаешь.

Он мог позволить себе вертеть носом – рынок сбыта у него действительно был... богема! Как заметил толстяк. Тут можно было и про качество рассказывать и цену ломить. Звездецкий был человеком неординарным, наделенным некоторой харизмой, и успешно пользовался этим. Он был вхож...

Черт! Вот о чем говорил мужчина из темноты. Дознаватель – так называется его должность. Тогда где он, в «Пирамидоме»? По идее, больше нигде. Но тень сомнения присутствовала.

В квартире, разумеется в тайнике, лежал синдин. Немного, коробки три. Но достаточно, чтобы вменить торговлю наркотиками. Да какими наркотиками – синдином, компонентом троицы Сорок Два. Это пахло...

Звездецкий шумно потянул ноздрями воздух. В носу захлюпало. Но не пахло ничем. Даже пресловутого запаха крови, о котором так часто упоминалось в передачах, предназначенных для соседней редакции программ для взрослых. Что, уже и обоняние не работает? Скорее всего, ушибленный нос не понимал, что от него требуется.

– Черт! – теперь уже вслух пробормотал Звездецкий.

– Вот-вот, – согласился дознаватель. – Надеюсь, ты понимаешь, что то, насколько плоха будет твоя дальнейшая судьба, зависит теперь только от высоты полета моей фантазии.

Из тени едва заметно взмахнула рука. Точнее, движение должно было остаться незамеченным для Звездецкого. Но он его увидел. В кромешной тьме? Или он просто почувствовал?

Он уже ждал, сжавшись, насколько позволяли скобы на предплечьях, когда знакомый кулак снова погрузился в живот Звездецкого. «Как в тесто», – подумал он.

– У кого активатор?!

– Не знаю!

Обе фразы смешались в неразборчивый рев, потому что дознаватель и арестант выкрикнули их одновременно. Звездецкий с силой сжал веки, так что перед глазами поплыли бордовые круги. Леха, синдин, красивая высокая женщина в вечернем платье, расшитом маленькими сверкающими камнями (бриллианты?) с бокалом шампанского в одной руке и заветной ампулкой – в другой. Богема.

Люди, программы, мишки Гамми, Карафюбль и Зантарра. Герои детских интерактивов и виртуальных игрушек.

Сеть, «балалайки», раллеры... Нет из этой оперы воспоминаний никаких. Спасибо, хоть взлома не было. Но соучастие, как пить дать, повесят.

Минойский, Лев Маркович, Женя, Стивен. Сотрудники. Ерохин...

А кто такой этот Ерохин? Человек из темноты (никак не хотелось называть его дознавателем), кажется, называл эту фамилию? Ведь это он нашел в тайнике синдин.

– Кто такой Ерохин? – спросил Звездецкий.

Он ожидал услышать стандартное: «Здесь вопросы задаю я!» – и приготовился к удару, но дознаватель помолчал с полминуты, а потом произнес:

– Ерохин? Ерро-о-хин...

Звездецкому показалось или человек-из-темноты и в самом деле был удивлен?

Что ж, это явно предвещало неприятности таинственному Ерохину, который накрыл его, Звездецкого, лавочку.

– А активатор? – снова вернулся к вопросу дознаватель.

Звездецкий шумно вздохнул. Что ему сказать? Никакого активатора в его воспоминаниях не было. Да и сами воспоминания казались какими-то рваными и чужими. Это, наверное, от того, что по голове били.

Очнулся Звездецкий в темной бетонной коробке, на холодном полу. Убранство камеры являло собой донельзя аскетичное зрелище – пластиковые нары, исцарапанные истосковавшими по свободе узниками, что томились здесь до него, круглая дырка в полу и кран с сенсорным датчиком. Кран плевался пригоршней воды. Больше одной порции в полчаса не давал – нечего разбазаривать дорогую воду на заключенных. Странно, но дыра, призванная выполнять роль отхожего места, вопреки ожиданиям никаких миазмов не распространяла. Заключенный встревоженно потянул носом – нет, обоняние вернулось, просто от параша действительно не пахло.

В гнезде на затылке торчала заглушка, гладкая и ладненькая, словно детская игрушка. Похоже, что «балалайки» в его голове не было уже на допросе.

Правое бедро ныло. Рассмотреть, что творилось с ногой по задней поверхности, у Звездецкого не получилось, но на ощупь ничего, кроме небольшой болезненной царапины, не обнаруживалось. Царапина болела! Значит, боль вернулась. Похоже, организм начал работать по программе, заложенной в него от рождения.

– Странно, – бурчал закутанный в белое мужичок. Врач? – Не регулируется. А если так? – Он отвернулся вправо, до ушей Звездецкого донеслись характерные звуки: «врач» набирал что-то на клавиатуре компьютера.

– Странно, – снова сказал он. – Ты... как там тебя?

– Звездецкий.

– Звездецкий... ага... вот так лучше... Так вот, штуку эту я приаттачил там... ну к твоим... вроде... вот...

О чем говорил мужичок, понять было трудно. Он продолжал что-то набирать на клавиатуре раллера, то и дело погружая в плоть Звездецкого длинный металлический щуп. Ничего не ощущалось.

– Ты почувствуешь, если она включится. Дергать начнет. Вот так.

Он что-то переключил, и ногу Звездецкого скрутил сильный болезненный спазм. Сергей взвыл.

– Нет, не то, – «врач» не извинялся, сетовал.

Снова несколько нажатий на клавиши, удовлетворенный кивок, и в ноге непривычно зажужжало. Будто глубоко под мышцами, на самой кости застряло несколько пчел и никак не могут выбраться оттуда.

– Есть? Есть? – с каким-то непонятным восторгом спросил изувер.

– Есть, – без энтузиазма ответил Звездецкий.

– Вот так она и даст о себе знать. Нанокapsула что надо! В горячо-холодно в детстве играл? – Он дождался, пока подопечный кивнет. – Похожая игра: если идешь куда надо – «горячо».

В автобусе было жарко и влажно – двадцать пять душ, прикованных к специальным стойкам из легированной стали, активно потели, наполняя душную атмосферу смрадом. Окон нет, освещение искусственное. Трудно сказать, подразумевал ли изначальный проект в этом адовом транспорте вентиляцию, но на нынешний момент она точно отсутствовала. Четверо охранников и водитель за пуленепробиваемой стеклянной переборкой, укрепленной стальной решеткой. У них там кондиционер, они люди.

Мощные рифленые ворота, вздрогнув, поехали вбок. Добро пожаловать в «Африку»!

Вышли из автобуса только двадцать два заключенных. Трое так и остались висеть на своих кандалах безжизненными обезвоженными тушками.

Звездецкий пребывал в полуобморочном состоянии. Одуревший от жары и понимания того, что билет на автобус без окон выдается только в один конец, он плелся в толпе подобных ему новичков, получая тычки дубинками надзирателей под ребра. Двигаться нужно было быстрее, господа надзиратели ждать, пока они, шлюхи, решатся расстаться с девственностью, не собирались.

Их помыли под сильной, сбивающей с ног струей брандспойта, обрили наголо. В следующей комнате, снабженной обычными здесь на окнах решетками – настало время привыкать к небу в полосочку, – четверо мужиков лихо набивали «новобранцам» татуировки с номерами. По шесть штук на каждого – на лбу и затылке, чтоб надзиратель с любой стороны мог тебя различить; и по одной на каждой конечности, чтоб тело можно было собрать в полный комплект «если что».

– Будешь ты у нас один-три-семь-шесть, – нежно произнес доставшийся Звездецкому татуировщик. – Третий брат, так сказать, близнец.

– Звездецкий, – голосом, лишенным интонаций, представился Сергей.

– Нет, – так же нежно объяснил татуировщик. – У нас тут Звездецкий ты или хренецкий какой, дела никому нет. А один-три-семь-шесть ты у меня третий. Номеров-то на всех не хватает.

– А предыдущие? – не понял его Звездецкий.

– А тебе какая разница? Номера у всех индивидуальные. Хоть ты и третий, но на сегодня точно единственный.

Дня три он пребывал в полной прострации. Обживался. Потом господин заместитель директора старший надзиратель Ушенко привел его в чувство, сломав правое плечо и украсив тело ярким ковром синяков. Две недели в лазарете помогли свыкнуться с мыслью, что это дерьмо вокруг теперь его дом. Единственно возможный в этой жизни, мать ее, дом.

Из прошлой жизни в памяти настойчиво пробивались сведения о синдине и нанокapsуле, остальные воспоминания путались.

11. Территория племени Хаммар

Легкий ветер гнал над саванной горячий воздух. Вся равнина была видна, как на ладони. Желтоватая пожухлая трава, буш, одиноко торчащие деревья, еще сохраняющие яркую, выделяющуюся на общем пыльном фоне зелень, и пара десятков бредущих в поисках воды диких буйволов забавно искажались поднимающимся вверх жаром.

С водой в этой части Африки в последнее время стало неважно. Реки изменяли свои русла, другие и вовсе исчезли, поглощенные новым морем. Как родная Омо. Дождей, и так редких в этих широтах, стало еще меньше, солнце палило без устали, выпаривая последние остатки влаги из умирающего мира. Полная жизни саванна превращалась в пустыню. Здесь не было особо ценных ископаемых, поэтому в кенийских долинах сохранилась первозданная природа. И вот теперь ей грозила смерть.

Келле провел тыльной стороной ладони по лбу – он привык к подобной жаре, но капельки пота на коже выступили от волнения. Они мешали смотреть, заливая глаза.

Буйволы шли далеко. Они не видели людей, однако крупный бык, идущий чуть впереди стада, то и дело останавливался, вслушиваясь в звуки саванны. Он, вероятно, был знаком с людьми, но в саванне достаточно опасностей и без неумелых охотников – здесь вполне можно встретить льва или гепарда.

Сегодня Келле шел впереди. Маза признали его способности охотника, хотя сам юноша и не хотел исполнять роль главного. Бона уговорил охотников отдать руководство в руки юного маза.

Келле знал, что к добыче нужно подходить с подветренной стороны, чтобы животные не учуяли охотников. Буйволы – быстрые и сильные животные, если заподозрят неладное, их не догнать. Рисковали и охотники – рога большие и острые.

Келле взмахом ладони позвал остальных и сам двинулся вперед, пригнувшись, чтобы трава скрывала его. Он ужасно волновался – Келле совсем не чувствовал себя способным руководить четырнадцатью маза, каждый из которых был на несколько лет старше. Если бы не Кулфу, который неожиданно поддержал Бона, он никогда бы не решился указывать старшим.

Не все остались довольны подобной расстановкой сил, Келле чувствовал это. И только антилопа, добытая два дня назад юношей в одиночку, являлась немым свидетельством того, что духи помогают ему.

Охотники осторожно спускались с пригорка в долину, буйволы были все ближе, но Келле не чувствовал присутствия духов.

«Это нормально, – убеждал он себя. – Духи всегда приходили не сразу».

«Но если они не придут?»

«Тогда ты, дружок, опозоришься перед маза. Над тобой будут смеяться, и никто тебя не станет слушать», – услужливо подсказывал внутренний голос.

– Бона, – шепотом позвал Келле старшего.

Брат шел рядом, метрах в трех справа от «главного охотника». Заметив, что Келле зовет его, Бона осторожно приблизился, не сбавляя шага.

– Бона, я не знаю, что делать. Зря ты уговорил маза слушать меня.

Старший легонько пнул Келле по ребрам.

– Духи благоволят тебе. Ты должен помочь людям – с тобой мы добудем много мяса.

Бона улыбался. Он искренне верил в то, что говорил. Отчего тогда сомневался Келле?

Они остановились недалеко от буйволов. Вожак нашел небольшой ручеек, и теперь дикие коровы шумно пили воду из мутноватого ручья. Сам вожак стоял, высоко подняв голову, чтобы следить за саванной.

Келле внимательно рассматривал животных. Вожак сильный и умный. Его охотникам не поймать. Более того, опытный буйвол смел, и Хаммар вполне могли не досчитаться двух-трех маза по окончании охоты. Значит, его трогать не стоит.

Трое молодых самцов пьют воду чуть поодаль от основной группы. Они уже не молодняк, их стадо защищать не будет. Вожак посматривает на них недобрым взглядом – чувствует конкурентов. Придет время, и кто-то из молодых сменит его на посту. Новому вожаку достанутся лучшие самки стада, но и ляжет ответственность за жизни сородичей. Но молодые буйволы быстро бегают – если не попасть сразу, второго шанса не будет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.